

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

11
1969

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

фан

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ун учинчи йил наشري

II
1969

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания тринадцатый



Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР А. М. АМИНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР К. Н. БЕДРИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР О. Б. ДЖАМАЛОВ, член-корр. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. редактора*), доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, канд. ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук М. А. АХУНОВА, канд. филос. наук Н. Г. ГАИБОВ (*зам. редактора*), Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*К 100-летию со дня рождения
В. И. Ленина*

М. АХУНОВА

**УКРЕПЛЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
РАБОЧЕГО КЛАССА УЗБЕКИСТАНА**

Теоретическая и практическая деятельность ленинской Коммунистической партии на всем протяжении ее существования есть интернационализм в действии. КПСС всегда воспитывала трудящихся в духе пролетарского интернационализма и дружбы народов. В решениях XXIII съезда партии подчеркивается, что коммунисты Советского Союза будут и впредь содействовать укреплению международной солидарности трудящихся, развивать эту важнейшую традицию марксистов-ленинцев.

Осуществление строительства коммунизма в нашей стране советский народ рассматривает как свой интернациональный долг. На него — первостроителя коммунизма — обращены сейчас взоры международного рабочего класса, угнетенных всего мира.

Широки и многообразны связи рабочего класса нашей страны со странами мировой системы социализма, развивающимися государствами, всеми, кто желает мирного сотрудничества с СССР.

Постоянно растут международные связи и рабочего класса Узбекистана — одного из славных отрядов советского рабочего класса.

На современном этапе, когда наша страна успешно создает материально-техническую базу коммунизма, неуклонный подъем экономики и культуры Советского Узбекистана позволяет ему вносить растущий вклад в углубляющиеся с каждым годом международные экономические и культурные связи СССР.

Наша республика осуществляет плодотворное сотрудничество в экономической области со всеми странами социализма и многими другими странами мира. Промышленная и сельскохозяйственная продукция Советского Узбекистана экспортируется более чем в 90 государств всех континентов земли.

По общей стоимости экспортируемых товаров Узбекская ССР находится на втором месте в Союзе (после Российской Федерации). В 1968 г. предприятия Узбекской ССР отправили на экспорт продукции в два с лишним раза больше, чем в 1958 г. что служит ярким свидетельством признания высокого качества нашей продукции и роста популярности марки «сделано в Узбекистане» за границей.

Все больший спрос у зарубежных фирм получают каракулевые шкурки, хлопковое масло, хлопчатобумажные ткани, экскаваторы, тракторы, компрессорные станки, прокат, электро- и радиоизделия, сельскохозяйственные машины, твердые режущие инструменты, мостовые краны, медикаменты и многие другие изделия узбекских заводов и фабрик.

В истекшей семилетке более 150 предприятий республики выполняли в соответствии с общесоюзными планами заказы зарубежных стран на поставки различной продукции. Так, продукцию Ташкентского текстильного комбината постоянно закупают ДРВ, МНР, Камбоджа, Непал, Бирма, Алжир, Малайзия, Иордания, Марокко, Саудовская Аравия, Ливан, Камерун, Англия и другие страны. В 27 государств идет продукция завода «Ташкенткабель», в 20 — Чирчикского электрохимкомбината, в 30 — Самаркандского завода «Кинап».

Одних только сельскохозяйственных машин Узбекистан выпускает ныне больше, чем все страны Ближнего и Среднего Востока, вместе взятые. На международной выставке сельскохозяйственных машин в Москве три ташкентских предприятия были удостоены золотых медалей: «Ташсельмаш» — большой золотой медали за хлопкоуборочную машину, «Чирчиксельмаш» — за культиватор, «Ташавтомаш» — за конструкцию прицепа для бестарной перевозки хлопка. Все больше продукции этих и других предприятий республики идет за границу.

Завод «Узбексельмаш» регулярно поставляет на мировой рынок хлопковые сеялки точного высева. Десятки таких агрегатов отправлены на Кубу. Современная техника позволяет значительно расширить там посевные площади под хлопчатником. В Афганистане и Иране, Индии и Пакистане, Бразилии и десятках других стран работают хлопкоуборочные машины «Ташсельмаша».

Различные машины и оборудование идут из Узбекистана более чем в 70 стран мира. Изделия тяжелой промышленности республики имеют постоянный спрос в таких странах, как ФРГ, Франция, Япония, Италия, Канада и др.

В этом большая заслуга ташкентских машиностроителей и конструкторов, разработавших и освоивших в годы семилетки ряд новых сложных машин, в том числе 24 типа текстильных машин. Лучшая из них — «Восток» совмещает четыре операции, почти вдвое повышает производительность труда, более чем в полтора раза увеличивает съем готовой продукции с квадратного метра производственной площади, потребляет вдвое меньше электроэнергии. Ею заинтересовались многие зарубежные фирмы, в том числе на родине текстильного машиностроения — в Англии. «Восток» удостоен золотой медали на Международной выставке в Чехословакии.

В Турции и Англии, Бразилии и Болгарии, Румынии и ГДР, Японии и Индии, Италии и США известна марка завода «Таштекстильмаш». Рабочие этого завода выпускают продукцию только отличного качества. Они гордятся, в частности, своим детищем — агрегатом ПК-100М. Эта единственная в мире машина, объединяющая четыре операции, дважды удостаивалась золотой медали на международных выставках — в Брно и Пловдиве. Новинку текстильной техники приобрели ГДР, Франция, Япония, Бельгия, США. «Таштекстильмаш» уже двадцать лет экспортирует свою продукцию в Чехословакию, куда отправлено большое количество ровничных и прядильных машин.

Заслуженным признанием пользуются на внешнем рынке изделия Ташкентского электротехнического завода, компрессоры и мостовые краны из Ташкента. Уникальную аппаратуру — электросиловое оборудование, стабилизаторы для киноустановок экспортирует Самаркандский завод «Кинап» на Кубу, в КНДР, Японию, Марокко, Ливан, Алжир, Афганистан, Пакистан, Турцию и другие страны.

Андижанский машиностроительный завод поставляет дизели и насосы более чем в тридцать стран Азии и Африки.

Узбекистан вывозит не только станки и механизмы, но и комплексное оборудование целых заводов. К примеру, в 1964—1965 гг. заводы «Узбекхлопкомаш», «Коммунар», «Самаркандхлопкомаш» отправили в Афганистан оборудование пяти хлопкоочистительных заводов с запасными частями.

На ежегодных международных пушных аукционах в Ленинграде узбекский каракуль пользуется большим спросом у коммерсантов Англии, Швеции, ФРГ, Канады, Японии и многих других стран. 30 стран покупают хлопчатобумажные ткани Ташкентского текстильного комбината, а медикаменты с маркой Ташкентского фармацевтического завода приобретают 27 стран.

Узбекистан регулярно участвует в международных выставках и ярмарках в Лейпциге, Познани, Тегеране, Копенгагене, Рангуне, Дамаске и др.

Все это — наглядный показатель гигантских достижений рабочего класса, всех трудящихся Узбекистана за годы Советской власти.

Наиболее тесное и многогранное экономическое сотрудничество существует между Узбекистаном и братскими социалистическими странами. Сама природа социалистического строя способствует непрерывному углублению и укреплению этих связей. Более 60% всего узбекистанского экспорта приходится на долю социалистических стран. Многие из них регулярно получают изготовленное на предприятиях УзССР оборудование для хлопкоочистительных заводов, текстильных фабрик и химической промышленности. Некоторые химкомбинаты Болгарии и Чехословакии оснащены узбекскими машинами. Знают продукцию нашей республики и в героическом Вьетнаме, народ которого, опираясь на братскую помощь СССР и других стран социализма, ведет мужественную борьбу против агрессии империалистов США.

Участвуя в переработке и поставках хлопкового волокна, рабочий класс Узбекистана вместе с нашими славными хлопкоробами выполняет свой интернациональный долг не только перед своей Родиной, но и перед всеми братскими социалистическими странами. Высокую оценку вкладу Узбекистана в укрепление пролетарского интернационализма дал первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар: «Работа тружеников Узбекистана имеет значение и за пределами Советского Союза, ведь на выращенном здесь хлопке работает немалая часть текстильной промышленности остальных социалистических стран, в том числе и Венгерской Народной Республики»¹.

На одной из пресс-конференций с журналистами Узбекистана представители народной Польши с большой теплотой отозвались о помощи трудящихся Узбекистана, «Трудящиеся Польши хорошо знают чудесные качества узбекского хлопка, прядильных машин, электрокабеля, киноаппаратуры и других изделий заводов Ташкента, Самарканда, Чирчика и других индустриальных центров».

Торговля — далеко не единственная форма участия Узбекистана в братском сотрудничестве СССР с другими социалистическими странами. Плодотворно и взаимовыгодно развиваются и научно-техническое сотрудничество между ними, обмен передовым опытом, взаимные командировки специалистов и ученых.

Десятки специалистов и рабочих ежегодно приезжают к нам из братских стран, изучают на предприятиях республики передовые методы

¹ Правда Востока, 16 июня 1963 г.

производства, заимствуют и внедряют у себя все новое, полезное для развития народного хозяйства.

Николае Бадеску, председатель Государственного Комитета Совета Министров Румынской Народной Республики по делам строительства, архитектуры и градостроительства, так сформулировал свои впечатления о строительной индустрии Узбекистана: «...Мы убедились, что в республике вырос большой отряд очень опытных инженеров, технологов, конструкторов, проектировщиков, замечательных знатоков монтажного дела, особенностей и специфики монтажа крупнопанельных домов в вашей сейсмической зоне. Одним словом, мы увидели много поучительного, что обязательно постараемся применять у себя.

...Надеемся, что любезно предложенные нам в порядке обмена технической информацией типовые проекты и другая техническая документация, применяемая в климатических и сейсмических условиях Средней Азии, поможет нам у себя, в Румынии, успешно решить многие неотложные проблемы в области градостроительства».

Узбекские специалисты и рабочие, в свою очередь, часто выезжают в различные социалистические страны, где черпают ценный технический и производственный опыт. В ГДР, например, они познакомились с возможностями применения для автоматического оборудования хлопкозаводов конструкций бесступенчатых редукторов и аппаратуры для пневмоприводов. От своих немецких друзей они получили необходимую техническую документацию и чертежи.

В промышленности нашей республики успешно применяются оборудование и машины, поступающие из социалистических стран. Так, коллектив завода «Ташкенткабель» дал высокую оценку оборудованию, присланному немецкими друзьями. А когда в 1963 г. группа ведущих конструкторов тяжелого машиностроения из г. Магдебурга посетила Ташкент, узбекские кабельщики, со своей стороны, внесли дельные предложения, способствующие улучшению производства машин в ГДР.

Высококачественное химическое оборудование с маркой ГДР действует на Чирчикском электрохимическом комбинате и Ферганском заводе азотных удобрений. По железным дорогам и трамвайным путям Узбекистана курсируют электровозы, вагоны и трамваи, созданные умелыми руками тружеников первого в мире социалистического государства немецких рабочих и крестьян.

Из Венгерской Народной Республики к нам поступило немало холодильных установок, металлообрабатывающих станков, отличных измерительных приборов. Достойное применение нашли болгарские электромоторы и оборудование для обувной фабрики чехословацкого производства.

Поставки различных товаров и оборудования из стран социализма, научно-техническое и производственное сотрудничество с ними способствуют укреплению экономики нашей республики, ее дальнейшему подъему. Эти дружеские взаимовыгодные контакты построены на принципах полного равноправия, доверия и уважения взаимных интересов. В них находит свое воплощение крепнущая год от года дружба народов социалистических стран. Это пролетарский интернационализм в действии.

Развитию чувства братской солидарности активно способствуют непосредственные контакты, живые встречи трудящихся разных стран, обмен делегациями.

Крепкая трудовая дружба связывает коллектив бригады С. Урядова с завода «Ташкенткабель» с членами бригады Тауфея Найдора,

работающей на Будапештском электротехническом комбинате. Бригады вступили в социалистическое соревнование, регулярно обмениваются письмами, фотографиями, сообщают друг другу о своих производственных и личных успехах. Ежеквартально подводятся итоги соревнования. Недавно группа рабочих и инженеров «Ташкенткабеля» побывала у своих венгерских друзей с очередной взаимопроверкой выполнения социалистических обязательств.

Действенным средством развития интернациональных связей служит обмен производственным опытом. Так, Маргиланский шелкокомбинат ведет переписку по техническим вопросам с фирмой «Текстима» (ГДР), Ташкентский текстильный комбинат — с Чехословацким институтом химии. Постоянную информационную связь с предприятиями социалистических стран поддерживают завод «Ташкенткабель» и другие предприятия республики.

Советский Узбекистан занимает видное место в осуществлении торгово-экономических связей СССР с развивающимися странами Востока, которым наша республика поставляет компрессорные станки, насосы, металлы, твердые сплавы, трансформаторные подстанции, кабель, хлопкоочистительное оборудование, нефтепродукты и др.

Говоря о сотрудничестве Узбекистана с развивающимися странами, нельзя не вспомнить замечательные ленинские слова: «За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения».

Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»².

Предсказанное Лениным полвека назад возрастание роли народов Востока в мировой политике сегодня стало реальной действительностью.

После второй мировой войны десятки стран Азии и Африки обрели политическую независимость. Но для достижения экономической независимости им необходимо развивать современную промышленность и сельское хозяйство, готовить собственных специалистов самого различного профиля. Советский Союз постоянно оказывает молодым развивающимся странам большую экономическую помощь, следуя своей неизменной политике уважения суверенитета всех государств. Десятки крупных объектов сооружены в этих странах силами, средствами и при участии советских рабочих и специалистов.

Благородная миссия наших тружеников за рубежом способствует укреплению позиций развивающихся стран на мировом рынке, их борьбе за достижение подлинной независимости от империалистических хищников.

Узбекистан принимал участие в создании важных промышленных объектов в Непале, Гвинее, Камбодже, Тунисе, Сомали, на Цейлоне и в других странах.

Труд рабочих, инженеров и техников промышленных предприятий Ташкента, Андижана, Коканда и других городов республики влился в грандиозную работу, проведенную на строительстве Асуанской плотины в ОАР, куда была направлена продукция «Ташкенткабеля», завода «Компрессор» (установка КС-9), экскаваторного завода (машинны 3-352), завода «Подъемник» (десятитонные электрические мостовые краны), Кокандского завода «Большевик» (стальная и чугунная арматура).

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 328.

Значение технической помощи Узбекистана, оказываемой слабо развитым странам, возрастает еще более в связи с тем, что специалисты и рабочие нашей и других братских республик не только монтируют там первоклассное оборудование, строят современные фабрики и заводы, но и активно помогают готовить столь необходимые этим странам национальные кадры технических специалистов. Рабочие разных профессий обучаются и получают квалификацию непосредственно на строительных объектах. Многие юноши и девушки из развивающихся стран прошли и проходят курс обучения на предприятиях, в техникумах и вузах Узбекистана.

Создание в 1961 г. подготовительного факультета для иностранных студентов при ТашГУ значительно облегчило юношам и девушкам стран Азии и Африки ускоренное овладение русским языком и поступление в вузы СССР. Сотни юношей и девушек из 30 стран Азии и Африки получили у нас профессии инженеров, врачей, агрономов и др.

Несколько инженеров и техников Андижанского машиностроительного завода побывали в ОАР, Судане, Ливии, Алжире, Эфиспии, Сирии, Афганистане, Марокко, Иране для оказания технической помощи по установке и эксплуатации насосов и дизелей, выпускаемых заводом.

Три года преподавал в учебном центре в Алжире мастер кузнечного участка 4-го цеха завода «Ташсельмаш» В. Н. Никонов. Более двух лет провел в Афганистане начальник 10-го цеха завода «Ташкенткабель» А. М. Рыжов, помогая здесь организовать обслуживание хлопкоочистительного оборудования и обучая новому делу местные кадры.

На строительстве Джалалабадского ирригационного канала в Афганистане трудились сотни советских людей, среди них большинство — из Узбекистана. Руководитель Министерства горных дел и промышленности Афганистана Султан Ахмат Попол так отзывался об узбекских специалистах: «...Мы благодарны вашему специалистам не только за то, что они хорошо работают, но и за то, что они вооружают знаниями наши национальные кадры».

Специалисты и рабочие Узбекистана самоотверженно трудились в пустынях Ирака, на высокогорных дорогах Афганистана и крутых берегах Нила, под знойным небом Бирмы, в тропиках Африки.

Находясь за границей, наши люди высоко несут гордое и славное имя советского рабочего, специалиста. Свидетельство тому — множество благодарных писем из десятков соседних и далеких стран. Результат — дружба, укрепление интернациональных связей рабочих.

Ежегодно в республику приезжают представители рабочего класса многих зарубежных стран, и встречи их с нашими рабочими выливаются в демонстрацию дружбы и интернациональной солидарности братьев по классу. Так встречали, например, на «Ташкенткабеле» тридцать вьетнамских инженеров, которые прошли потом на этом заводе производственную практику; студентов университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, завершавших свое образование, и др.

Для развивающихся стран Азии и Африки огромное значение имеют достижения Советского Узбекистана как в области экономики, так и в культурном строительстве. Так сбывается ленинское предвидение, что «пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран»³.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 145.

В. И. Ленин призывал спланировать рабочих всех наций для единой совместной борьбы в интересах пролетариата. Укрепление и расширение интернациональных связей рабочего класса Узбекистана — наглядный пример выполнения наказа.

Партийные организации республики уделяют особое внимание интернациональному воспитанию молодежи, тех, кто призван продолжать важнейшие традиции марксистов-ленинцев — свято хранить пролетарскую солидарность. От интернациональных клубов и школ до вечеров дружбы народов на заводах и в институтах — таковы формы этого воспитания.

Как подчеркивается в материалах XXIII съезда КПСС, «Советский Союз, как и другие социалистические государства, считал и считает своей интернациональной обязанностью оказывать поддержку народам, борющимся за национальное и социальное освобождение, молодым развивающимся государствам Азии, Африки и Латинской Америки, отстаивающим свою политическую и экономическую независимость»⁴. Съезд признал одной из главных задач в области внешнеэкономических отношений Советского Союза расширение торговых связей и оказание экономического и технического содействия развивающимся странам в интересах укрепления их национальной экономики.

Преобладающая часть материальных и финансовых ресурсов, получаемых молодыми государствами из Советского Союза, направляется на расширенное воспроизводство. Около 70% из них идет на развитие промышленности. Опираясь на сотрудничество с Советским Союзом, развивающиеся страны создают крупные хозяйственные комплексы и современные промышленные предприятия, основанные на применении новейших достижений науки и техники⁵.

Советская помощь развивающимся странам предоставляется без всяких условий, будь то политических, военных или экономических. Основывая свои взаимоотношения на ленинских принципах равноправия и уважения суверенитета народов, Узбекистан вместе с другими союзными республиками всемерно помогает этим странам преодолевать экономическую отсталость путем создания национальной промышленности и укрепления ее материально-технической базы.

Сотрудничество Узбекской ССР с молодыми развивающимися странами способствует росту международного авторитета союзных республик СССР и служит примером того, чего могут достичь народы, освободившиеся от ига капиталистов и помещиков и строящие новую, счастливую жизнь.

Народы стран, сбросивших колониальное ярмо, все более привлекает путь некапиталистического развития. На примере Советского Узбекистана и других республик Средней Азии они воочию убеждаются в необходимости и правильности избрания такого пути. Они видят в народах стран Советского Востока своих верных друзей и полны решимости творчески использовать их богатейший опыт создания подлинно свободного, социалистического общества, которому принадлежит будущее. Своими успехами народы советских среднеазиатских республик вдохновляют зарубежных друзей на борьбу за это великое и светлое будущее.

Народы СССР активно выступают в поддержку национально-освободительных движений, резко осуждают проводимую империалистиче-

⁴ Материалы XXIII съезда КПСС, М., 1966, стр. 284.

⁵ Ш. Рашидов. Знамя дружбы, М., 1967, стр. 43.

скими державами политику колониализма и неоколониализма, агрессии и вмешательства во внутренние дела других стран.

Возмущение всего человечества вызывает война, развязанная американскими империалистами во Вьетнаме. В этом вопросе Советский Союз занимает твердую позицию: мы делали и будем делать все, что необходимо для помощи героическому народу Вьетнама. Ничто и никто не сможет поколебать этой твердой позиции, ибо она исходит из ленинского принципа верности интернациональному долгу.

В Узбекистане, как и по всей нашей стране, развернулось широкое движение протеста против американской интервенции во Вьетнаме. На многочисленных митингах и собраниях трудящихся принимаются резолюции солидарности с героическим народом борющегося Вьетнама.

Во время проведения недели солидарности с народом Вьетнама нашу республику посетил заместитель главы Постоянного представительства Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в СССР Нгуен Ван Донг. Он присутствовал на массовых митингах и собраниях, участники которых выражали свою решимость оказывать народу Вьетнама всяческую поддержку. Одним из фактов, свидетельствующих об этом, является широкий сбор средств в фонд помощи вьетнамским братьям.

Рабочий класс Узбекистана, как и весь советский народ, оказывает решительную поддержку и всемерную помощь кубинскому народу в его борьбе против непрекращающихся провокаций США, поддерживает справедливую борьбу народов арабских государств против агрессивных действий Израиля и его империалистических покровителей.

Важный вклад в укрепление взаимопонимания и дружбы между народами, в дело мира во всем мире вносит активный обмен Узбекистана с зарубежными странами делегациями ученых, общественных деятелей, туристов.

Зарубежные гости знакомятся с ценнейшими памятниками древней культуры Узбекистана, воочию убеждаются в том, какая большая работа ведется у нас по сохранению богатого культурного наследия прошлого. Они имеют также возможность видеть не только наше прошлое, но и наш сегодняшний день, чудесные плоды осуществления гениальных идей великого Ленина.

Известный адвокат и журналист, правнук Карла Маркса Робер Жан Лонге, посетивший весной 1968 г. несколько городов Узбекистана, писал о молодом городе Навои: «Навои возник в пустыне, как сказка. Вы делаете сказку былью. Во всем этом я вижу реализацию Вами идей Маркса и Ленина». Далее Робер Жан Лонге сказал: «Трудящиеся Узбекистана и всей Вашей страны построили самое прекрасное общество, о котором мечтал мой прадед. Всяческих успехов им в их прекрасной деятельности»⁶.

Прогрессивный американский общественный деятель Х. Робертс писал, что во время пребывания в Узбекистане он повсюду встречался «со свежими примерами огромных усилий по индустриализации республики.

...В настоящее время Узбекистан экспортирует комплексное сельскохозяйственное и шахтное оборудование, а также другие виды продукции электро-, радио- и химической промышленности в страны Азии и Европы... Мы много слышали о том, что слова должны всегда подкрепляться делами. Все колониальные, полуколониальные, зависимые да

⁶ Народное хозяйство Узбекистана, 1960, № 1, стр. 91.

и другие страны могут найти в Узбекистане прекрасный пример для разрешения вопроса отсталых и угнетенных народов и национальных меньшинств⁷.

Это свидетельство человека, прибывшего из высокоразвитой западной страны, особенно показательно, ибо позволяет как бы со стороны взглянуть на плоды наших творческих усилий, осмыслить их интернациональное значение.

Представитель братской социалистической страны, сотрудник Румынского Агентства печати Аджер-пресс Александру Камплну, писал: «На заводе «Ташсельмаш» я обратил внимание на следующие два обстоятельства: во-первых, Узбекистан, бывшая окраина царской России, производит хлопкоуборочные машины и идет в этой области впереди единственного в мире партнера — США; во-вторых, люди, с которыми я встретился на заводе, являются в одинаковой степени рабочими и интеллигентами. Общая особенность всех рабочих — это опять-таки желание и решимость учиться, поступить в вуз или техникум. Это очень умные и знающие свое дело люди. Я увидел, что работают они с величайшей радостью, что труд для них — истинное наслаждение»⁸.

За последнее десятилетие интернациональные связи рабочего класса Узбекистана по своему территориальному охвату приобрели поистине всемирный характер, что является отражением неуклонно возрастающей роли рабочего класса СССР в укреплении и расширении интернациональных связей трудящихся всех стран.

Успехи строительства коммунизма в СССР, дальнейшее укрепление мировой социалистической системы, неуклонное развитие коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки служат решающими факторами дальнейшего расширения интернациональных связей рабочего класса СССР.

Особая заслуга в укреплении интернациональных связей советского рабочего класса принадлежит ленинской Коммунистической партии Советского Союза, всегда и во всем твердо и неуклонно осуществляющей политику пролетарского интернационализма.

Ширя и крепя свои интернациональные связи, рабочий класс Узбекистана вместе со всем рабочим классом СССР под руководством КПСС содействует великому делу совместной борьбы трудящихся всех стран против империализма и агрессии, за мир, демократию и социализм.

⁷ Народное хозяйство Узбекистана, 1960, № 1, стр. 94—95.

⁸ Советский Узбекистан сегодня, 1967, № 8, стр. 18.

Б. В. ЛУНИН

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ АКАДЕМИКА ВАСИЛИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА БАРТОЛЬДА

В ноябре 1969 г. научная и широкая советская общественность отметили столетие со дня рождения академика Василия Владимировича Бартольда, чья жизнь и труды навсегда вписаны в самые видные страницы истории востоковедения.

Замечательное научное наследие В. В. Бартольда — одного из наиболее заслуженных представителей «плеяды первоклассных ученых, приумноживших славу отечественной тюркологии»¹, — неотделимо от истории познания богатейшего исторического прошлого народов Средней Азии, изучение которого всегда стояло в центре внимания ученого.

Поучителен жизненный путь В. В. Бартольда, от начала до конца посвященный беззаветному и достойному подражания служению науке, изучению истории народов Востока.

Этот путь не был характерен крутыми внешними сдвигами и переменами. В своей основе это был более или менее типичный путь становления и развития энергичной деятельности преуспевающего в своих научных изысканиях высокоодаренного и многогранного ученого, который, по его собственным словам, «вполне в своей сфере чувствовал... себя только во время кабинетной работы над письменными источниками»².

Однако внутренний мир Бартольда — человека и ученого высокой принципиальности, безукоризненной честности и смелой прямоты суждений, суровой взыскательности к себе и другим — был подчас весьма сложным и противоречивым.

Субъективно мучительным, но общественно-плодотворным по итогам было вступление В. В. Бартольда — представителя дореволюционного поколения ученых — в научную и общекультурную жизнь, порожденную коренным социальным переворотом в истории человечества — Великой Октябрьской социалистической революцией...

Василий Владимирович Бартольд родился 3(15) ноября 1869 г. в Петербурге, в «буржуазной семье» (как он пишет в автобиографии).

В 1887 г. В. В. Бартольд завершил с золотой медалью обучение в 8-й петербургской гимназии. Осенью 1887 г. он поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков по арабско-турецко-татарскому разряду, где ему довелось слушать лекции ряда видных русских востоковедов (Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский, К. П. Патканов, В. Д. Смирнов, В. Р. Розен и др.). В университете главенствующие интересы Бартольда сосредоточились вскоре на средневековой истории народов стран Ближнего и Среднего Востока.

¹ А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР, 1917—1967, М., 1968, стр. 3.

² Автобиография проф. В. В. Бартольда, Огонек, М., 1927, № 40 (236), стр. 14.

Ближайшим и наиболее любимым учителем В. В. Бартольда (и он не раз подчеркивал это) суждено было стать академику Виктору Романовичу Розену — крупному знатоку восточных языков и специалисту, мастерски владевшему приемами глубокого анализа памятников восточной письменности средних веков. И действительно, для всей последующей ученой деятельности Бартольда будет характерен в первую очередь именно розеновский настрой научной работы, в том числе в оценке роли стран и народов Востока в мировой истории³.

Известно, что Бартольду в еще большей степени, чем Розену, были чужды искусственные попытки принизить роль Востока, отвести ему второстепенное или даже третьестепенное место в анналах мировой истории, относиться к истории Востока свысока и пренебрежительно, придавать ей экзотический и фаталистический характер. Неодобрительно относился В. В. Бартольд и к проявлениям расизма, человеконенавистнических взглядов в отношении народов Востока. Бартольд был твердо убежден, что история человечества не будет ни полной, ни подлинной без истории народов Востока. И уже одно это с самого начала придавало прогрессивный характер его научно-общественному мировоззрению.

В 1889 г. Бартольд был награжден восточным факультетом Петербургского университета серебряной медалью за сочинение «О христианстве в Средней Азии», написанное по теме, рекомендованной Н. И. Веселовским в связи с тем вниманием, которое было проявлено в те годы археологами и востоковедами к находкам сирийско-несторианских надписей на территории Семиречья. В 1891 г. студент Бартольд окончил университет с дипломом первой степени.

По окончании университета В. В. Бартольд, по совету В. Р. Розена, совершил в 1891 г. первую из неоднократных (вплоть до 1929 г.) зарубежных поездок для совершенствования своих знаний и научных занятий, обстоятельное описание которых находило отражение в его печатных и рукописных отчетах. Показательно, что уже тогда Бартольдом владела мысль о необходимости заняться глубоким изучением источников по Средней Азии, имея в виду конечную цель таких занятий — составление критической истории этой обширной территории. «Едва ли кто-нибудь, — писал Бартольд Розену, — сделал попытку рассмотреть хоть часть истории Средней Азии при помощи сравнительного метода, с приложением тех законов исторического развития, которые были выработаны для истории Европы. Строго научный курс истории Средней Азии теперь еще не мыслим. Само собой разумеется, что та наука, которую я имею в виду, не будет создана мною, но я надеюсь своими трудами... несколько подготовить ее возникновение»⁴. Годы показали, что эту большую и трудную задачу Бартольд выполнил в максимально возможной для его времени мере.

Судя по всему, время первых научных занятий Бартольда за границей было еще и временем глубоких раздумий над его местом в науке и жизни, над вопросом о том, на каком поприще и действуя какими методами, научной работы он сможет оказаться наиболее полезным. Результатом этих раздумий явилось еще одно положение, которому Бартольд следовал и в зрелые годы своего научного творчества: двигаться

³ Что не исключает, конечно, определенного влияния и других крупных русских и зарубежных востоковедов.

⁴ Письмо В. Р. Розену из Галле 18/30 декабря 1891 г. (Архив АН СССР, Ленинград, ф. 777, оп. 2, д. 20, л. 15—16).

в науку от более известного к менее известному, «восходить от настоящего к прошедшему и от позднейших событий к предшествующим»⁵.

Вскоре после выезда Бартольда за границу (1891) выяснилось, что факультет восточных языков Петербургского университета не намерен расстаться со своим высокоодаренным и многообещающим питомцем. В 1892 г. Бартольд был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории Востока. В мае 1893 г. Бартольд успешно выдержал испытания на степень магистра истории Востока.

К 1892 г. относится появление (при посредстве В. Р. Розена и других ученых) первых печатных произведений Бартольда. Одно из них касалось эпизода из истории взаимоотношений Западной Европы и Дальнего Востока («Пизанец Исол»), другие представляли собой публикации о христианстве в Туркестане в домонгольский период.

К 90-м же годам относится появление печатных работ Бартольда по исторической интерпретации древнетюркских рунических («орхонских») надписей — теме, к которой Бартольд не раз будет возвращаться впоследствии и по которой он вступал в полемику с виднейшими востоковедами его времени (Маркварт и др.).

В 1893—1894 гг. состоялась первая из многократных научных поездок В. В. Бартольда в Среднюю Азию. Ее задачей было «в дополнение к письменным известиям о прошлом страны собрать на месте сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее, и по возможности дать краткое описание развалин городов, укреплений и т. п.»⁶

Отчет Бартольда об этой поездке был одной из первых отечественных востоковедных публикаций, столь ярко продемонстрировавших исключительную важность сочетания археологических материалов средневековья (вещественных источников) с данными средневековых же рукописных известий (письменных источников). Выделялась, в частности, попытка Бартольда локализовать местонахождение ряда городов средневековья. Многие из высказанных Бартольдом предположений на этот счет нашли свое подтверждение в последующих изысканиях, особенно советских археологов на Тянь-Шане, в Чуйской долине и Фергане.

Уместно заметить, что поездки ученых по Средней Азии были тогда весьма нелегкими, требовавшими определенной сноровки, физической выносливостью, умения преодолевать многочисленные трудности. Лишь несчастный случай в пути — падение с лошади и перелом ноги (повлекший за собой постоянную хромоту) — заставил Бартольда вернуться в Ташкент, где он был помещен в военный госпиталь. В Ташкенте Бартольд вынужден был провести зиму 1893—1894 гг. С этого времени начались его многолетние и плодотворные научные и личные связи с местными краеведами.

Характерно, что и прикованный к постели Бартольд стремился не прерывать научной деятельности, «несмотря на болезнь, сделать какое-нибудь полезное употребление из своего времени»⁷.

15 ноября 1893 г. В. В. Бартольд писал Н. И. Веселовскому: «Во всяком случае я проведу здесь зиму и постараюсь, чтобы пребывание было полезно для меня и других. С этой целью я намерен: 1) научиться говорить по-сартски (по-узбекски.— *Б. Л.*) и по-киргизски; 2) познако-

⁵ Архив АН СССР, Ленинград, ф. 777, оп. 2, д. 20, л. 15—16.

⁶ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг., Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению, сер. VIII, т. I, № 4, СПб., 1897, стр. 151 (Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 19—91).

⁷ Архив АН СССР, Ленинград, ф. 68, оп. 1, д. 324, л. 6.

мить местных деятелей с историей края и внести, если окажется возможным, некоторую жизнь в здешнее ученое общество, которое влечит свое жалкое существование... В последнее время выяснились также самые жгучие потребности местных деятелей: 1) знание иностранных языков очень мало распространено; необходимо переводить лучшие иностранные сочинения; 2) исторические знания еще менее распространены и



В. В. Бартольд.

даже у более знающих состоят из случайных обрывков; необходимо издать краткий учебник по истории Средней Азии: учебник, конечно, должен носить университетский характер, и при нем должен быть подробный библиографический указатель. Надеюсь, что и это предприятие когда-нибудь осуществится»⁸.

Эти строки следует подчеркнуть, ибо по неизменно пристальному и сочувственному вниманию, с каким В. В. Бартольд относился к занятиям периферийных («провинциальных») деятелей на поприще востоковедения, к организации на местах очагов научно-краеведческой работы, ему суждено будет занять особое место в истории русского и советского востоковедения.

Бартольд был одним из организаторов и видных сотрудников Туркестанского кружка

любителей археологии (1895—1917) и наставником других научно-краеведческих учреждений и организаций Средней Азии, покровителем и защитником интересов местных краеведческих музеев и библиотек, ревнителем местной периодической прессы и научно-краеведческих изданий, активно сотрудничавшим на их страницах и поддерживавшим их сочувственными отзывами в центральной и местной печати⁹.

Зорко следил он за выходящими в свет на периферии новинками историко-востоковедной литературы и, подобно В. Р. Розену и Н. И. Веселовскому, находил время и возможность систематически выступать с печатными рецензиями на них — строго взыскательными и в то же время сугубо благожелательными. Он был лично связан со многими местными краеведами, принимал близко к сердцу их запросы и интересы, поддерживал с ними оживленную, часто многолетнюю переписку научного характера, направлял их деятельность, оберегал ее от влияния дилетантства, дурного вкуса, от научной небрежности, легкомыслия, поверхностного подхода к делу. «В лицемерных условиях общежития в старом быту Василий Владимирович был труден, отнюдь не приятен,

⁸ ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 794, л. 2—4 (архив Н. И. Веселовского).

⁹ В. В. Бартольд и Туркестанский кружок любителей археологии. Глава IV в кн.: В. В. Лувиц. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958, стр. 206—239.

общественно одинок, без круга друзей. К нему тянулись, наоборот, с далекой периферии»¹⁰.

Показательны слова Бартольда из обнаруженных нами в архиве учебного рукописей двух неопубликованных лекций 1900 г. студентам, окончившим университетское обучение, об их задачах в Туркестане: «От большинства других стран научное значение востоковедения отличается тем, что оно не может удовлетвориться работой специалистов, по необходимости работающих в крупных научных центрах, где сосредоточены необходимые для них пособия и источники, и только изредка могущих совершать более или менее продолжительные или кратковременные поездки для непосредственного изучения жизни восточных народов. Оттого они не могут обойтись без услуг (образованных людей), имеющих возможность на месте, иногда в течение многих лет, изучать восточную жизнь, конечно, с большей полнотой, чем это возможно при каких бы то ни было научных командировках»¹¹.

Осенью 1896 г. В. В. Бартольд был утвержден хранителем минцкабинета Петербургского университета и выполнял эти обязанности до августа 1901 г. Занятия в сфере нумизматики способствовали подготовке и прочтению Бартольдом лекции по нумизматике Средней Азии, черновые (авторские) наброски текста которой были встречены нами в личном архиве Бартольда (судя по всему, они относятся к 1896—1897 гг.)¹². В этой лекции, как и в печатных нумизматических этюдах Бартольда, отчетливо проявилась его «тенденция рассматривать монетные надписи прежде и более всего как исторические и историко-культурные документы»¹³.

Занятия в минцкабинете углубили также познания Бартольда в сфере мусульманской генеалогии, палеографии и истории Востока, особенно Средней Азии.

В 1896 г. Бартольд был утвержден в звании приват-доцента (внештатного преподавателя) Петербургского университета и приступил к чтению лекций. Началась его многолетняя и плодотворная педагогическая деятельность¹⁴. Много лет спустя Бартольд так отзовется об этой деятельности: «Помимо работы над письменными источниками, мне всегда приходилось отдавать много времени преподавательской деятельности, судя по отзывам в печати не совсем безуспешной, но, несомненно, не составляющей моего призвания»¹⁵.

Считаясь с этим указанием Бартольда, нельзя в то же время не отметить тех впечатлений, какие остались у ряда слушателей его лекций. Автору данной статьи приходилось, например, слышать воспоминания М. Е. Массона, И. П. Петрушевского, А. А. Семенова, И. И. Умнякова, Н. П. Архангельского, А. В. Панкова и других. Все они согласуются

¹⁰ Н. Я. Марр. Василий Владимирович Бартольд. Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры, Л., 1931, № 1, стр. 8. «Строгим благожелателем — ворчуну» назовет Бартольда знавший его востоковед В. А. Гордлевский (Советское востоковедение. IV, М.—Л., 1947, стр. 18).

¹¹ Архив АН СССР, Ленинград, ф. 68, оп. 1, д. 75, л. 1—2.

¹² Там же, д. 3, л. 1—2; ср. Б. В. Лукин. Неопубликованный текст лекции академика В. В. Бартольда по нумизматике Средней Азии, *Общественные науки в Узбекистане*, Ташкент, 1964, № 7, стр. 44—47.

¹³ В. А. Крачковская. В. В. Бартольд — нумизмат и эпиграфист, *Эпиграфика Востока*, VIII, М.—Л., 1953, стр. 13.

¹⁴ Первая пробная лекция была прочитана Бартольдом 8 апреля 1896 г. по теме «Образование империи Чингиз-хана», причем для нее было характерно стремление автора проследить социально-экономические процессы в недрах монгольского общества конца XII — начала XIII в.

¹⁵ В. В. Бартольд. Автобиография..., стр. 14.

друг с другом в том смысле, что В. В. Бартольд говорил негромко, в известной мере однотонно, абсолютно не рассчитывая на какие-либо словесные эффекты, придание нарочитой живости излагаемому материалу. В житейском смысле слова он читал свои лекции более или менее «сухо» и «неувлекательно». В то же время лекции Бартольда неизменно характеризовались глубочайшей эрудицией, строгой продуманностью и логичностью изложения, насыщенностью убедительными примерами и доказательствами. Его меньше всего интересовала внешняя оболочка лекций, а почти исключительно их внутреннее содержание¹⁶.

И те из слушателей, которых по-настоящему глубоко интересовал изучаемый предмет, кто действительно привык извлекать из насыщенных богатейшим материалом лекций Бартольда максимум полезных для себя данных, никогда не разочаровывались в своем учителе, но, наоборот, ценили каждое его слово и каждую его мысль.

К 1897 г. относится выход в свет под редакцией В. В. Бартольда выполненного по его инициативе перевода на русский язык одного из наиболее важных источников по истории Средней Азии — «Тарих-и Нершахи» средневекового историка Абу Бекра Мухаммеда б. Джафара ан-Нершахи (Наршахи)¹⁷.

В 1898 г. последовала публикация В. В. Бартольдом сводного очерка по истории Семиречья, в котором он впервые попытался дать на основе рукописных источников и литературных пособий строго научное обозрение исторических судеб Семиречья от II в. до н. э. вплоть до начала второй половины XVIII в. (события в Джулгарии)¹⁸.

Бартольд питал постоянный интерес к эпосу народов Востока. Помимо ряда его статей, особо должен быть указан мастерский перевод им с комментариями огузского героического эпоса «Китоб-и Коркут» (публиковавшийся с 1894 г.), итоги многолетней работы над исследованием которого Бартольд подвел в статье «Турецкий эпос и Кавказ», опубликованной в 1930 г.

В конце 90-х годов В. В. Бартольд вел одновременно большую и напряженную работу над диссертацией на соискание ученой степени магистра истории Востока. Блистательно защищенная 19 ноября (2 декабря) 1906 г. диссертация принесла Бартольду единодушное признание выдающихся качеств его фундаментального исследования на тему «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», — исследования, сразу же и прочно вошедшего в золотой фонд русского и мирового востоковедения.

Оппоненты (Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский, В. Р. Розен) были единодушны в оценке исключительно высоких качеств исследования. Первый официальный оппонент Н. И. Веселовский с полным основанием говорил, что «ни один новый исследователь истории Туркестана не пройдет мимо книги Бартольда». По свидетельству В. Р. Розена, совет факультета «в виду выдающихся достоинств этого сочинения, предло-

¹⁶ По словам И. П. Петрушевского, Бартольд говорил «предельно просто, словно беседовал с аудиторией. Зато его оригинальные курсы лекций отличались тщательной методической подготовкой, тонким анализом, обилием извлеченного из источников материала и резкой критикой устаревших мнений» (И. П. Петрушевский. Академик В. В. Бартольд, в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 21).

¹⁷ Мухаммад Наршахи. История Бухары, перевел с персидского Н. Лыкошин под редакцией В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, 124 стр. (Бартольд же снабдил данный перевод своими компетентными примечаниями).

¹⁸ В. В. Бартольд. Очерки истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г., II, Верный, 1898, стр. 74—175 (Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 21—106).

жил совету университета ходатайствовать о возведении В. В. Бартольда в звание доктора истории Востока», что и было «уважено советом в заседании 18 декабря 1900 года. «Туркестан» В. В. Бартольда действительно является весьма крупным вкладом в науку и делает высочайшую честь его автору». По словам самого Бартольда, он пытался дать в своем труде ответ на вопросы: «Чем определился ход истории страны до монголов, с чем последние явились в Туркестан и как произошло завоевание страны»¹⁹.

Для характеристики прогрессивных настроений, владевших Бартольдом, очень поучительна его речь перед защитой диссертации. Бартольд указывал, что при реальном и объективном подходе к изучению истории Востока последняя «утрачивает свой фантастический ореол, но зато получает характер изображения действительной жизни народов; мы видим, что люди везде одинаковы, что различие между культурой Востока и культурой Запада вполне объясняется тем, что умственная работа восточных народов была направлена обстоятельствами на другие пути; прибегать к априорным предположениям об основных различиях между натурой восточной и натурой западного человека, о неизгладимых расовых особенностях нет никакой надобности. Научное объяснение истории Востока необходимо уже потому, что иначе законы, выработанные только на основании истории Европы, неизбежно будут страдать односторонностью и не будет достигнута конечная цель исторической науки — выяснить законы, которым подчиняется жизнь всего человечества» (здесь и далее подчеркнуто нами. — Б. Л.)²⁰.

Заключая свою речь, Бартольд выражал надежду, что «скромные труды русских ориенталистов... будут содействовать мирному сближению народов Востока с Россией и наступлению того, пока еще очень отдаленного дня, о котором мечтал наш великий поэт, дня, когда все народы России, в числе их «и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык», соединятся для поклонения великому представителю русской культуры, и будут поклоняться ему именно за то, что он «в свой жестокий век восславил свободу и призывал милость к падшим», то есть за служение общечеловеческим идеалам».

Знаменательная речь! Не следует, конечно, преувеличивать широты и глубины социального мышления Бартольда. В целом цитированные места из его речи вполне укладываются в рамки буржуазного радикализма, взглядов передовых представителей русского буржуазного востоковедения и, более того, собственно и не выходят за пределы либерально-позитивистской историографии, «к которой принадлежали все выдающиеся дореволюционные историки — П. Г. Виноградов, И. В. Лучицкий, В. О. Ключевский, Ф. И. Успенский, В. В. Бартольд, М. М. Ковалевский и др.»²¹

И тем не менее было бы неправильным преуменьшать положительное начало указанных взглядов Бартольда. Не забудем, что они высказывались как раз в тот период, когда царская Россия уже вступала в империалистическую стадию развития и когда влияние марксизма в истории еще не проникало или почти не проникало в такие специальные отрасли

¹⁹ См. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, СПб., 1898, 201 стр.; ч. II. Исследование, СПб., 1898, 573 стр. (Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 39—530, 585—597, 601—603).

²⁰ В. В. Бартольд. Речь перед защитой диссертации, в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, стр. 607.

²¹ О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики. 1917—1966, Л., 1967, стр. 27.

общественных наук, как востоковедение. В среде последнего можно было встретить убежденных монархистов, ученых крайне правых настроений, но отнюдь не ученых-марксистов или хотя бы ученых революционно-демократического направления.

Более того. В конце века и в России все четче стало обозначаться открыто враждебное отношение буржуазной исторической науки к марксизму, распространялись реакционные идеи, отрицавшие самую закономірность исторического развития.

В этих условиях взгляды Бартольда заслуживали высокого одобрения, в некоторой мере звучали даже своего рода вызовом по адресу ретроградов в науке, носителей расовых концепций и высокомерно-презрительского отношения к народам Востока, к их историческому прошлому. Заметим, что этим передовым для своего времени взглядам Бартольд останется верным и впредь, никогда не делая от них ни шага назад.

Со времени выхода в свет фундаментального бартольдовского труда прошло без малого 70 лет. Естественно, что с течением времени обозначились недостатки исследования, особенно несовершенство его общ исторических выводов и заключений. Но вне зависимости от этого фактическая основа данной работы и поныне остается надежным фундаментом дальнейшей, все более глубокой и детальной разработки истории Средней Азии в период до монгольского нашествия и при нем. И сейчас этот труд продолжает поражать читателей множеством фигурирующих в нем глубоко интерпретированных, умело сопоставленных и обобщенных фактов. Перед нами настоящий клад этих фактов, сочетающий общие выводы со справочно-энциклопедическим богатством текста по множеству вопросов исторического, историко-географического, историко-топографического, археологического, хронологического, династического и иного характера. И тот, кто систематически обращает свои взоры к книге Бартольда, обнаруживает все новые и новые важные грани в ее содержании. Вошла в историографию и намеченная В. В. Бартольдом, в основе своей верная, периодизация политической истории Средней Азии VII—XII вв.

Думается, что этой своей работой Бартольд непосредственно осуществлял замысел, возникший у него, как мы уже говорили, еще на студенческой скамье: хоть «несколько подготовить ее (строго научной истории Средней Азии. — Б. Л.) возникновение». Как писал Бартольд, его его исследование явилось «первым опытом изложения истории Туркестана по первоисточникам, с обращением внимания на социальные и бытовые условия». И действительно, говоря словами составителей сборника статей, посвященного Бартольду в связи с 25-летием защиты им названной диссертации, В. В. Бартольд «заложил этим капитальным трудом прочный фундамент строго научного, основанного на первоисточниках, изучения Средней Азии»²². В этом первом большом труде Бартольда «сказались основательность и точность в работе» ученого, его «исключительная способность дорабатывать до дна»²³.

Вскоре после памятной защиты диссертации, принесшей Бартольду звание доктора истории Востока, он был назначен (10 августа 1901 г.) экстраординарным, а 21 января 1906 г. — ординарным профессором Пе-

²² В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1927, стр. 5.

²³ С. Ф. Ольденбург. Василий Владимирович Бартольд. 15. XI 1869—19. VIII 1930. Известия Академии наук СССР, сер. VII, Отделение общественных наук, Л., 1931, стр. 1.

тербургского университета по родному для Бартольда факультету восточных языков²⁴.

К этому времени вполне оформился и главенствующий интерес Бартольда к проблемам истории тюркских и монгольских народов, в первую очередь в связи с общей историей Средней Азии — страны с богатейшим, но весьма мало изученным историческим прошлым. «Преимущественно историком Средней Азии» будет называть себя и сам Бартольд. Это не значит, конечно, что указанной сферой полностью ограничивался научный диапазон его трудов. Хорошо известны труды Бартольда по истории ислама, арабского халифата, Закавказья, Ирана и Китая, исторической географии ряда стран Ближнего и Среднего Востока, по источниковедению и историографии востоковедения и др. При этом именно работа над восточными рукописями явится его подлинной стихией, основным делом всей его жизни, любимейшим и наиболее близким ему научным занятием.

В 1902 г. в одном из местных изданий была опубликована еще одна капитальная работа Бартольда по Средней Азии — «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века»²⁵. Это первая крупная публикация по историко-географическому циклу его исследований, совокупность которых справедливо закрепила за их автором репутацию создателя исторической географии Средней Азии. Конечно, и в «Туркестане» и других предшествующих публикациях Бартольда уже содержалось немало данных к познанию исторической географии Средней Азии, но работа, о которой идет речь, была, повторяем, первой крупной работой со столь ярко выраженной историко-географической целеустремленностью, причем историко-географические данные служили Бартольду средством воссоздания общей картины исторической жизни края.

Спустя год Бартольд осуществил крупный вклад в ирановедение, напечатав историко-географический обзор Ирана. По полноте охвата и анализу материала такого рода историко-географических обзоров Ирана востоковедение еще не знало. Перед нами ценнейший источник не только по исторической географии Ирана, как таковой, но во многом и по общей истории страны, насколько эта история могла быть выяснена в те годы главным образом на основе письменных источников.

В обширной серии бартольдовских статей среднеазиатского цикла привлекает внимание статья «Народное движение в Самарканде в 1365 г.» (1907), наглядно свидетельствующая о большом интересе Бартольда к истории общественных движений средних веков на Востоке. Посвященная восстанию сербадаров статья эта появилась в свет во время первой русской революции. Допустимо предположить, что с этим обстоятельством в определенной мере связана и встречающаяся в статье социальная терминология («человек из ремесленного класса, подвергающийся гонению представителей аристократии», «один из представителей рабочего класса», «захват власти студентами и рабочими»). Не следует забывать, впрочем, что такие термины, как «классовая борьба», встречались и в более ранних публикациях Бартольда, что весьма симптоматично.

²⁴ С 1906 по 1910 г. Бартольд выполнял также функции секретаря факультета. С 22 декабря 1905 г. по 28 февраля 1913 г. Бартольд был секретарем Восточного отделения Русского археологического общества, а с 1908 (после смерти Розена) по 1912 г. — редактором «Записок» Отделения.

²⁵ Известия Туркестанского Отдела Русского Географического Общества, т. IV, Ташкент, 1902, 120 стр. (Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 13—34).

В 1904 г. Бартольд вел при участии самаркандского археолога-краеведа В. Л. Вяткина археологические раскопки на территории городища Афрасиаб, в нескольких местах к западу от городской цитадели, в частности, для того чтобы выяснить топографию города дотимуrowsкого времени, найти и проследить фундамент здания соборной мечети²⁶.

Раскопки были небезуспешными, но окончательно убедили Бартольда, что при всем значении археологических изысканий в Средней Азии («без вещественных следов нельзя понять письменных известий и наоборот»), лично он не призван быть археологом. «К сожалению, — писал Бартольд, — условия русской жизни никогда не давали возможности следовать известному английскому афоризму: «Лучшее дело, которое может делать человек, это то, которое он лучше всего может делать». Вследствие недостаточности научных сил, едва ли не каждому русскому ученому приходилось брать на себя и такие обязанности, к которым он не чувствовал призвания. Помимо работы над письменными источниками, мне... приходилось также принимать участие в работах по изучению памятников материальной культуры»²⁷.

Однако высокий интерес к археологии, стремление содействовать развитию археологических изысканий в Средней Азии Бартольд сохранял на всю жизнь. И если после 1904 г. он никогда больше не участвовал в непосредственном ведении полевых археологических работ, то археологи-специалисты и краеведы-любители обрели в его лице своего неизменного покровителя, живо и систематически следившего за ходом и результатами их работ, откликавшегося на них своими письменными советами и выступлениями в печати.

Более того, не претендуя на роль специалиста-археолога (а равно — нумизмата, эпиграфиста), Бартольд, как и раньше, выступал время от времени с весьма ценными публикациями в этой сфере, оставив и здесь заметный след в науке. Это касалось, в частности, древностей Самарканды, роль которого в исторических судьбах Средней Азии, а в известной мере и ряда других стран Востока Бартольд не раз подчеркивал.

С 1911 г. началось активное многолетнее сотрудничество В. В. Бартольда в издававшейся за рубежом (Лейпциг) «Энциклопедии ислама». Заслуженное признание приобрели многочисленные статьи-справки Бартольда, преимущественно по тюркоязычным народам и отдельным областям и городам Средней Азии, а также Крыма, Кавказа, Поволжья и других районов, печатавшиеся им в данной энциклопедии без малого четверть века²⁸.

²⁶ В архиве ЛОИА АН СССР (ф. 1, оп. 1, д. 24, 1904) хранится «Опись предметов древности, добытых при раскопках В. В. Бартольдом на месте городища Афрасиаб (17 июля — 13 августа 1904 г.)» (л. 59—61, 61 об. 81—83, 83 об.; 369 №№) и «Опись предметам древности, доставленным В. Л. Вяткиным из Афрасиаба в начале 1905 г. (предметы, предназначенные в Эрмитаж)» (л. 67—67об.).

²⁷ В. В. Бартольд. Автобиография..., стр. 14.

²⁸ Всего в «Энциклопедии ислама» опубликовано до 250 статей и заметок Бартольда. Известно также до 30 его статей в отечественных энциклопедиях. Помимо этого, библиографически учтено более 460 научных публикаций Бартольда в русских и иностранных изданиях (книги, статьи, заметки, характеристики научных трудов и заслуг отдельных ученых, рецензии и др.). Из них свыше двухсот посвящены истории Средней Азии. Как видим, печатное наследие Бартольда весьма обширно. Следует также учесть наличие в архиве АН СССР в Ленинграде (личный фонд Бартольда) неопубликованных рукописей ученого, в частности, таких, как «История Туркестана до VII века», «Очерк истории Дербента», «Очерк истории Согды», текст лекции по нумизматике Средней Азии, дневники научных поездок по стране и за рубежом, конспекты университетских лекций (и заметки к ним), в частности по методологии исторических исследований, подготовленный к печати узбекский текст части истории Хивинского ханства Муинс-мираба «Фирдаус ал-икбаль» (намеченный сейчас к изданию) и др.

К 1914 г. относится публикация одного из важнейших трудов В. В. Бартольда по истории и исторической географии Средней Азии — «К истории орошения Туркестана»²⁹. Изучение обширного круга письменных источников — от древнейших до нового времени — позволило Бартольду воссоздать не только историю искусственного орошения как такового, но и в значительной мере историю всего сельского хозяйства Средней Азии, в свою очередь связанную с общенсторическим развитием страны.

Говоря о дореволюционных работах Бартольда, их прогрессивной направленности, уместно воспроизвести выдержки из оставшейся неопубликованной и хранящейся в личном архиве ученого рукописи его рецензии на книгу Н. П. Остроумова «Сарты» (1896). В этой рецензии Бартольд писал о необходимости изучения быта народов Востока «без фальшивой идеализации и в то же время без всяких расовых, националистических и религиозных антипатий. Необходимо помнить, что характер народа образуется под влиянием климатических и бытовых условий, причем последние далеко не одинаковы для различных классов населения; поэтому понять характер целого народа на основании наблюдений над отдельными его представителями — задача несравненно более сложная, чем полагает большинство пугештевников и поверхностных наблюдателей»³⁰. В этой же рецензии содержатся поучительные слова Бартольда, что она пишется человеком, который принимает «к сердцу прежде всего не столько чисто государственные интересы, сколько интересы народных масс»³¹.

В другом месте Бартольд пишет: «Самаркандская (газета) «Окраина» в конце 1893 г. призвала русское население к экономической борьбе на жизнь и смерть с туземцами. Мы надеемся, что кризис разрешится более мирным путем и что без насильственных мер удастся обуздать «коммерческие аппетиты» отдельных лиц и обеспечить законные интересы народных масс, без различия религии и национальности»³².

По другому поводу Бартольд сурово критиковал одного из воспитанников восточного факультета Петербургского университета, который в своих статьях «повторяет старый предрассудок о мусульманском фатализме, будто бы являющемся причиной культурной отсталости мусульманских народов, тогда как всякому знакомому с историей Востока известно, что этот фатализм в своих фактических проявлениях ничем не отличается от христианской покорности воле Божьей и служит преимущественно утешением в несчастьи; никакой фатализм не мешает мусульманским государственным людям, полководцам и торговцам принимать меры к обеспечению успеха своих учреждений»³³.

Констатируя преимущественную склонность Бартольда к изучению истории Средней Азии и многочисленность его фундаментальных исследований в этой области, надо сказать, что было бы неправильным недооценивать его глубокого и постоянного внимания и ко всему регионально широкому «мусульманскому миру».

Как историк Средней Азии, ее средневекового периода, Бартольд

(ср.: Б. В. Лукин. Туркестан в материалах личного архива В. В. Бартольда, Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1965, № 6, стр. 48—54).

²⁹ К истории орошения Туркестана. Составил В. В. Бартольд, СПб., 1914, 174 стр. (Сочинения, т. III, стр. 95—233).

³⁰ Архив АН СССР, Ленинград, ф. 68, оп. 1, д. 74, л. 1—7.

³¹ Там же.

³² Там же, л. 5—6.

³³ Там же, д. 75, л. 2—3.

Въ автобиографическомъ журнале по поводу
 проекта Пуркентова о издании
Историко-филологическаго журнала.

Въ Пуркентоваго издания въ сентябре
 на Историко-филологическомъ журнале зрится
русская издательство опубликовать русские
описательные опубликовать русская Востокъ, и
тамъ Историко-филологическомъ опубликовать русские
быть напечатаны: 1) въ сторону изучения ислама,
 какъ религия; 2) въ сторону изучения истории русскихъ
иностранцевъ и, изъ Востока или изъ Западной
Азии; 3) въ сторону изучения языка восточныхъ
литературъ, арабской, персидской или турецкой;
 4) въ сторону литературоведческаго изучения языка изъ
русскихъ восточныхъ языковъ, семитическаго, финнаго
или турецкаго. Материалы, таковы для эти Историко-
филологическомъ во внимание при указании формы
опубликования и техническихъ требований. Принципы
опубликования на каждомъ въ Пуркентоваго издания

не мог не обращать свои взоры не только на историю сопредельных со Средней Азией стран, но и на историю тех широких по территориальному размаху и степени своего влияния общественных явлений, которые оказывали прямое или косвенное воздействие на ход исторического развития народов Средней Азии и прилегающих стран. Действуя в этом направлении, Бартольд не мог, конечно, обойти стороной историю ислама и арабского халифата, ряд вопросов историко-географического и историко-филологического характера, касающихся территории Кавказа и Восточной Европы, Центральной Азии и Дальнего Востока.

Рассуждая логически, такая обширность интересов таила в себе опасность «разбрасывания» сил и энергии, опасность менее компетентного и авторитетного исследования некоторых вопросов, выходящих за рамки основных занятий ученого. И тем не менее в примере с Бартольдом этого не случилось. Широкий диапазон его научных интересов сочетался с глубиной и основательностью его научной подготовки, с умением сохранить в работе над изучением любого занимавшего его вопроса все тот же строжайший, скрупулезный и высоко требовательный подход к делу, который был так свойственен Бартольду.

При этом Бартольд видел порочность работ видных зарубежных ориенталистов 90-х и 900-х годов по истории ислама в том, что предмет их исследований оставался мир идей; эволюция же идей рассматривалась без связи с явлениями хозяйственной и политической жизни, безотносительно к вопросу, «насколько теоретическим построениям соответствовала действительная жизнь народных масс в разные периоды истории мусульманского мира»³⁴, т. е. к вопросу о зависимости общественного процесса не столько от эволюции самих идей, сколько от фактов жизни народных масс с учетом действительных условий культуры, материальной и духовной.

Такие высказывания делают честь Бартольду-ученому, его стихийно-материалистическим прозрениям, правильности его суждений по отдельным существенным проблемам процесса общественного развития народов Востока. Но именно по отдельным, ибо сказанное не означает, что исторический процесс находил в трудах Бартольда свое правильное истолкование. Последнее возможно лишь при наличии последовательно диалектико-материалистического подхода исследователя к изучавшимся проблемам, что, конечно, не было присуще Бартольду. Мы видим в публикациях Бартольда не более, чем переплетение его идеалистических представлений о сущности исторического процесса («главный фактор прогресса, — писал, например, Бартольд, — общение между народами») со стихийно-материалистическими суждениями о некоторых сторонах его проявления.

В описываемый период В. В. Бартольд выступает также с важными работами, которые закрепили за ним репутацию видного историографа отечественного и мирового востоковедения. Начать с того, что Бартольд явился летописцем факультета восточных языков Петербургского университета. Его работа «Обзор деятельности факультета»³⁵ и поныне остается обстоятельнейшим обзором полувековой истории факультета, от его образования (1855) до 1905 г., а в значительной степени — и важ-

³⁴ В. В. Бартольд. Рецензия на кн.: Dr. H. Roemer. Stadtpfarrer in Bietigheim. Die Babi-Behä't die jüngste muhammedanische Sekte, Potsdam, 1912, Мир ислама, т. I, 1912, стр. 429 (Сочинения, т. VI, М., 1966, стр. 390).

³⁵ Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV, Обзор деятельности факультета 1855—1905, составленный проф. В. В. Бартольдом. С приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г., СПб., 1909, 206 стр.

нейшим пособием для историографии русского востоковедения в целом. Вскоре последовало издание еще одной крупной историографической работы Бартольда — «История изучения Востока в Европе и России»³⁶, воспроизводившей содержание одноименного курса, читавшегося автором на факультете восточных языков. Достоинства данной работы Бартольда общезвестны. Она сделалась непереманным спутником всех интересующихся историей изучения стран и народов Востока. Ее вторая часть была посвящена истории отношений между Россией и Азией и обзору трудов русских ученых по Востоку.

К серии публикаций по истории востоковедения относятся и многочисленные обстоятельные отзывы В. В. Бартольда о трудах отдельных ученых и краеведов, очерки жизни и деятельности ряда видных отечественных и зарубежных востоковедов (В. П. Васильев, Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, В. В. Радлов, И. Гольдциер, И. Маркварт, Р. Доци, Э. Шаван и др.).

Признанием высоких научных заслуг В. В. Бартольда явилось избрание его 4 декабря 1910 г. членом-корреспондентом Академии наук по разряду восточной словесности, а спустя три года — 12 октября 1913 г. — ординарным академиком по литературе и истории народов Азии.

Здесь нельзя обойти вниманием знаменательный эпизод, связанный с пребыванием Бартольда на посту редактора журнала «Мир ислама», а затем с освобождением его от этого поста.

В 1912 г. Императорское общество востоковедения приступило к изданию в Петербурге журнала «Мир ислама». Первым редактором и автором программы журнала явился В. В. Бартольд, под редакцией которого в 1912 г. вышло четыре номера журнала³⁷.

Упомянутая программа гласила, что журнал призван «способствовать изучению ислама и жизни мусульманских народов как в прошлом, так и в настоящем, причем, по мере возможности, будут приниматься во внимание все культурные, политические, экономические и другие влияния, которыми, помимо религиозных основ мусульманской культуры, определялись и определяются как действительное содержание жизни мусульманских государств и народов, так и стремления и идеалы их наиболее выдающихся представителей»³⁸.

В. В. Бартольд подчеркивал, что «Мир ислама» исключает «из своей программы как проведение мусульманских тенденций, так и миссионерскую полемику против ислама», и стремился придать журналу строго научный, академический характер. И не случайно сам Бартольд предчувствовал недобрый исход его руководства. «Я вполне признаю, — писал он еще 18 февраля 1912 г., — что дело в том виде, как мы его поставили, крайне непрочное, что оно мало соответствует желаниям как Общества, которым издается журнал, так и министерства (внутренних дел. — Б. Л.), на средства которого он издается»³⁹.

Со второго года издания редактирование журнала «Мир ислама» перешло от В. В. Бартольда к Д. М. Поздневу. Поучительно, что прежде, чем освободить Бартольда от обязанности редактора «Мир ислама»,

³⁶ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, СПб., 1911, 272 стр.

³⁷ Мир ислама. Издание Императорского Общества востоковедения. Под редакцией проф. В. В. Бартольда. Год 1, т. 1, № 1, 2, 3, 4, СПб., 1912.

³⁸ В. Бартольд. От редакции, Мир ислама, СПб., 1912, № 1, стр. 1—15.

³⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, Переписка Бартольда с Остроумовым (ПБО), личный фонд Остроумова (ЛФО), папка 9, пакет 20, л. 205.

была сделана попытка воздействовать на него авторитетом высокопоставленных царских сановников. Попытка эта оказалась тщетной. Перед теми, кто был призван «образумить» Бартольда, предстал уверенный в своей правоте ученый, человек неподкупных убеждений, стойкий и принципиальный, который (как сказал о нем один из близко знавших его ученых) «скажет в упор, отрежет, обожжет».

По этому поводу имеется интересная запись самого Бартольда (письмо от 3 марта 1913 г.). Говоря о судьбе журнала «Мир ислама», он отмечал, что передача его новому редактору (Позднееву) явилась «вмешательством грубой и невежественной силы... Едва ли в настоящее время торжество грубого невежества было возможно в какой-нибудь европейской стране... Не думаю, чтобы турецкий министр мог заявить ученому своего народа, как мне заявил (министр) Макаров, что научная литература на отечественном языке вовсе не нужна и что с наукой можно знакомиться по заграничным изданиям»⁴⁰.

Из сказанного вытекает, что Бартольд держался тогда если не прямо оппозиционных, то во всяком случае весьма критических взглядов на бюрократически-казенную политику правящих кругов страны.

О взглядах Бартольда на взаимоотношения между народами можно судить и по его высказываниям в годы первой мировой войны. Далеко не каждый буржуазный ученый мог написать в разгар войны (письмо от 6 декабря 1915 г.), что «все-таки в жизни много хорошего, которое останется навсегда, тогда как самоистребление и проч. пройдет же когда-нибудь. Человеческая культура еще далеко не сказала своего последнего слова, а скажет ли его белая, желтая или черная раса, это, в сущности, все равно»⁴¹. К этому высказыванию Бартольда вполне применимы справедливые слова, что такого рода «возвышенные мысли... о дружбе и сотрудничестве людей различных рас и наций, хотя и были ограничены в силу исторических условий того времени, имели и имеют глубоко прогрессивный характер»⁴².

Между тем весь ход исторических событий закономерно и властно влек Россию к тому, уже близкому тогда рубежу, за которым суждено было свершиться очистительной буре социалистической революции.

Победа буржуазно-демократической революции в России и свержение самодержавия были восприняты В. В. Бартольдом в общем весьма сочувственно. При этом многое шло здесь от розовых иллюзий прогрессивно настроенного буржуазного ученого и мыслилось прежде всего в сфере культурных преобразований, долгожданного «свободного» развития науки, распространения знаний в народе, уничтожения коррупции в правящих кругах, прихода к власти «не невежд, а просвещенных людей» и т. п.

Под напором же октябрьской бури прекраснородушно-интеллигентские иллюзии Бартольда первых месяцев Февральской революции стали исчезать. Происходившее, по его словам, становилось «мрачным и непонятным».

И хотя наступило как раз то время, о котором Бартольд еще в 1906 г. имел мужество писать, что улучшение движения науки в России:

⁴⁰ ЦГА УзССР, И-1009, оп. 1, ЛБО, ЛФО, папка 1, пакет 21, л. 26. Ср. В. В. Бартольд. Восток и русская наука. Русская мысль, 1915, VIII, стр. 11—12; также: Журнал Министерства народного просвещения, Новая серия, ч. L, 1914, № 3, отд. 2, стр. 188.

⁴¹ ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, д. 27, ПБО, ЛФО, папка 10, пакет 23, л. 248.

⁴² И. М. Муминов. Идеи дружбы народов в произведениях передовых мыслителей Узбекистана второй половины XIX — начала XX в., Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г., Ташкент, 1958, стр. 151.

может быть достигнуто «только путем изменения всех условий русской жизни»⁴³, дело заключалось в том, что условия эти менялись не в том плане и не теми методами, которые представлял себе Бартольд и другие буржуазно-либеральные ученые.

Соответственно этому послеоктябрьский путь Бартольда — ученого и человека — был весьма трудным. В этом не было ничего противостественного, имея в виду отнюдь не только социальное происхождение Бартольда, но самое главное — общественную атмосферу, научную среду, в которой формировались его взгляды, привычки, отношение к окружающему (не забудем, что события Октябрьской революции застали Бартольда на исходе пятого десятилетия его жизни).

Известно, что лишь к весне 1918 г. под влиянием вдумчивой и благожелательной к интеллигенции политики Коммунистической партии, ее идейного воздействия начался переход старой интеллигенции к политике нейтралитета и больше того — к поддержке Советской власти.

В Петрограде процесс «перестройки умов» приобретал более замедленный характер, чем в других местах. По словам В. И. Ленина, относящимся к лету 1919 г., «каждый месяц растет в советской республике процент буржуазных интеллигентов, искренне помогающих рабочим и крестьянам. Но в Питере... оказалось много озлобленной буржуазной интеллигенции, ничего не понявшей, ничему не научившейся, в лучшем случае — растерянной, стонущей..., запуганной»⁴⁴.

И тем не менее Бартольд, пусть не сразу, но нашел в себе силы и мужество не погрязнуть в тине обывательских суждений и настроений, не остаться в стороне от научной работы и общественной жизни в условиях нового социального строя.

Мало того, фактически ни одно сколько-нибудь существенное мероприятие по реорганизации востоковедческой работы не осуществлялось без активного участия Бартольда, и имя его неотделимо от первого десятилетия в истории сложения и развития советского востоковедения. Конечно, и тут действовала сложная диалектика. Делу помогли высокий научный авторитет Бартольда, его огромный опыт и знания, колоссальная эрудиция, обширная научно-организационная деятельность, участие в подготовке квалифицированных научных кадров, богатейшая фактическая основа его научных работ. В то же время само становление советского востоковедения на новой методологической основе неизбежно предполагало критическое отношение к общенсторическим концепциям Бартольда, во многом далеким от марксизма-ленинизма, преодоление содержавшихся в них неправильных положений.

До конца своей жизни Бартольд подчеркивал свою аподитичность и настороженное отношение к осуществлявшемуся в послеоктябрьские годы процессу глубокого и радикального преобразования основ социально-экономического бытия народов России. Но и здесь мы будем свидетелями весьма противоречивого хода внутренней перестройки ученого и все большего сближения его с действительностью новой жизни.

Позднее сам Бартольд заметил, что «после превращения России в СССР, появления советских республик на Востоке... еще увеличился спрос на (его) популяризаторскую деятельность, печатную и устную. Помимо увеличения преподавательских обязанностей в Ленинграде, приходилось принимать приглашения со стороны и читать лекции в Ташкенте и Баку и даже за рубежом». И далее: «В некоторых отношениях

⁴³ В. В. Бартольд. К проекту Восточного института, Туркестанские ведомости, Ташкент, 1 ноября 1906 г., № 165.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 25.

условия научной работы в Туркестане теперь более благоприятны, чем в дореволюционное время; нет больше близорукой обрусительной политики, не приходится считаться с опасениями, что изучение прошлого Туркестана и памятников этого прошлого может оживить (среди коренного населения) исторические воспоминания...; библиотека и музей уже не служат для создания sinecur, но поручаются преданным своему делу специалистам; легче могут производиться научные работы на территории прежних ханств, Бухарского и Хивинского»⁴⁵.

Чтобы оценить заслуги Бартольда перед советским востоковедением, прежде всего надо ответить на один основной вопрос: что именно было сделано Бартольдом на благо науки Страны Советов?

А сделано было поистине очень много.

На смену Императорской археологической комиссии пришла учрежденная по декрету СНК РСФСР от 18 апреля 1919 г. за подписью В. И. Ленина Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК). Бартольд принял активное участие в подготовительных работах по организации Академии, а затем — в ее деятельности. Он возглавил, в частности, существовавший в ней Разряд Средней Азии и был товарищем председателя Академии.

Продолжая чтение лекций в Петроградском университете, Бартольд участвовал в организации Института живых восточных языков, образованного в Москве по декрету СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. за подписью В. И. Ленина на базе известного Лазаревского института. По открытии аналогичного института в Петрограде Бартольд стал профессором этого института, где читал курс «Истории турецких племен» и был председателем совета тюркологического семинара.

Привлекался Бартольд и к работе Восточной коллегии Издательства «Всемирная литература», основанного по инициативе Максима Горького. Он принимал также участие в деятельности учрежденной в 1921 г. декретом ВЦИК РСФСР Всероссийской (позднее — Всесоюзной) ассоциации востоковедения в Москве.

В 1921 г. была основана просуществовавшая до 1930 г. Коллегия востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Председателем Коллегии и редактором ее «Записок» был Бартольд. В системе Академии наук СССР Бартольд был также товарищем председателя академической Комиссии экспедиционных исследований и председателем действовавшего в ее составе Отдела Исследования Средней Азии, руководителем Туркестанского отдела Комиссии по изучению племенного состава СССР, возглавлял так называемый радловский кружок при академическом Музее антропологии и этнографии, а в 1928—1930 гг. — Туркологический кабинет, вошедший затем в состав Института востоковедения АН СССР.

Теснейшим образом был связан Бартольд со среднеазиатскими государственными учреждениями по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы (Самкомстарис, Туркомстарис, Средазкомстарис), имевшими в лице Бартольда своего постоянного и компетентного наставника и консультанта. Нельзя не отметить особо активного участия В. В. Бартольда в подготовительных работах к открытию первого в Средней Азии университета в Ташкенте, в создании нового алфавита письменности народов Советского Востока и многое другое.

В. В. Бартольд посещал Среднюю Азию в 1920, 1925, 1927 гг. В частности, в 1920 г. он читал лекции на историко-филологическом факуль-

⁴⁵ В. В. Бартольд. Автобиография..., стр. 14.

тете Туркестанского государственного университета, конспект которых был издан в Ташкенте в 1922 г.⁴⁶

В 1924 г. Бартольд прочел в Баку изданный затем курс из 20 лекций по истории тюркских народов⁴⁷.

Достоинство представлял Бартольд советское востоковедение в зарубежных странах. Так, в 1922 г. он прочитал в Англии, по просьбе Лондонского университета, шесть лекций по истории среднеазиатских кочевников — тюрков и монголов. В апреле 1923 г. он — делегат АН СССР на международном съезде деятелей исторических наук в Брюсселе (секция истории Востока). В Финляндии (1925) Бартольд выступил в заседании финно-угорского общества с обзором работ русских ученых по истории Туркестана. В 1926 г. Бартольд был в Турции и, в частности, прочел в Стамбуле курс лекций по истории тюркских народов Средней Азии⁴⁸.

В. В. Бартольд активно участвовал в большинстве основных советских востоковедных изданий 20-х годов, вел широкую и плодотворную научно-литературную деятельность.

В 1918 г. была напечатана монография Бартольда об Улугбеке, написанная еще в предреволюционный период⁴⁹. Ее основные положения остаются непоколебленными и поныне. Надо, в частности, поставить в заслугу Бартольду, что он, не умаляя роли Улугбека в науке, отчетливо различал деятельность Улугбека-ученого и Улугбека-правителя, уничтожая (слова Бартольда) сложившееся представление об Улугбеке, будто бы олицетворявшем собой «идеалиста-ученого, с первых лет своего царствования отвернувшегося от политики и отдававшего все свое время математике и астрономии».

Как бы продолжением работы об Улугбеке явилась монография Бартольда, посвященная великому среднеазиатскому поэту и мыслителю XV в. Алишеру Навои и по праву считающаяся одним из краеугольных камней советского навоиведения⁵⁰. Написанная на основе первоисточников прекрасным знатоком и критическим комментатором, эта работа вооружила читателей первой по точности и подробности изложения строго научной биографией Навои как крупного политического деятеля своего времени. Ценность ее тем более велика, что биография Навои дана на широком фоне жизни государства Султан-Хусейна.

В общей сложности, как явствует из «Списка работ акад. В. В. Бартольда», доведенного до 1930 г. и составленного под его наблюдением и с его дополнениями, с 1892 по 1930 г. появилось 350 его главнейших публикаций, из них 136 напечатаны при Советской власти.

Но дело заключалось отнюдь не только в количественных показателях. Очень важно, что именно для работ Бартольда 20-х годов становилось все более характерным расширение их проблемного диапазона, синтезирующего начала, стремление ученого к созданию обобщающих очерков по истории тюркоязычных и других народов Средней Азии.

⁴⁶ В. В. Бартольд. История Туркестана (Конспект лекций), Ташкент, 1922, 50 стр. (Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 107—166).

⁴⁷ В. В. Бартольд. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925, 124 стр. (Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 649—772).

⁴⁸ Эти лекции были опубликованы в 1927 г. в переводе на турецкий язык. Сейчас издан их русский текст: В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии, Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 17—192.

⁴⁹ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, Записки Российской Академии наук, сер. VIII, т. XIII, № 5, Пг., 1918, 160+24 стр. (Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 23—196).

⁵⁰ В кн.: «Мир-Али-Шир. Сборник к пятистолетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 100—164 (Сочинения, т. II, ч. 2, стр. 197—260).

И это закономерно. То было время образования в Средней Азии национальных советских государств. Прямым последствием этого явился быстрый подъем национального самосознания населяющих их народов, рост кадров молодой интеллигенции из коренного населения. Возрастала заинтересованность широкой аудитории в ознакомлении с историческим прошлым своего и дружественных соседних народов.

Сводных же, подлинно научных работ по истории каждого из народов Средней Азии на книжном рынке не было. Молодая советская историография еще не успела создать такие исследования, написанные с марксистско-ленинских позиций.

В этих условиях было естественным желание получить помощь со стороны такого глубокого знатока истории народов Средней Азии, как В. В. Бартольд. И он не остался в стороне от жизненных запросов широкой среднеазиатской общественности.

Откликаясь на обращения к нему просьбы советских правительственных учреждений и организаций Киргизии, Таджикистана и Туркмении, Бартольд подготовил к печати исторические очерки таджикского, киргизского и туркменского народов⁵¹. Конечно, очерки эти не вооружали читателей марксистско-ленинским пониманием местного исторического процесса, в основных своих концепциях были далеки от положений исторического материализма (с учетом, однако, метких ленинских слов, что передовые представители общественных наук «невольно приближаются к марксизму»⁵² и «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»⁵³).

Тем не менее добротная фактическая основа очерков, максимально возможная при тогдашнем уровне знаний, стройность и последовательность изложения делали свое дело. Очерки Бартольда давали заинтересованному читателю знание основных явлений и событий в политической, этнической и культурной истории народов Средней Азии. Они предшествовали появлению новых, марксистско-ленинских работ по истории народов Средней Азии и объективно в определенной мере помогали возможности их появления.

Молодая национальная интеллигенция республик Советской Средней Азии и Казахстана проявляла законный интерес и к другим трудам Бартольда. В 1926 г. Туркестанское государственное издательство опубликовало его работу «История орошения Туркестана» в переводе на узбекский язык Якуба Амана. В 1927 г. последовал выпуск книги «Культура мусульманства» в переводе Гази Юнуса (она была издана также в 1922 г. в Казани в переводе Дж. Валиди на татарский язык)⁵⁴.

Особняком стоит известная работа Бартольда по истории культур-

⁵¹ В. В. Бартольд. Таджики. Исторический очерк, в кн.: «Таджикистан». Сборник статей под редакцией Н. Л. Корженевского, Ташкент, 1925, стр. 98—111 (Сочинения, т. II, ч. I, стр. 449—468); его же. Киргизы (Исторический очерк), Фрунзе, 1927, 57 стр. (Сочинения, т. II, ч. I, стр. 471—543); его же. Очерк истории туркменского народа, в кн.: «Туркмения», Издание Комитета по экспедиционным исследованиям АН СССР, т. I, Л., 1928, стр. 1—69 (Сочинения, т. II, ч. I, стр. 545—623).

⁵² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 156.

⁵³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 248.

⁵⁴ В 1931 г., уже после смерти Бартольда, вышел в свет перевод II части («Исследование») его работы «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (переводчик Фатих Каримов). В 1943 г. в Киргизии были переизданы на русском языке работы Бартольда «Очерк истории Семиречья», «Киргизы». К настоящему времени ряд работ Бартольда переведен и издан на русском, английском, арабском, немецком, персидском, турецком и французском языках.

ной жизни Туркестана (1927), в которой он впервые с такой широтой затронул ряд вопросов политической и хозяйственной жизни края в XIX—начале XX в.⁵⁵ Богатство и ценность собранных в работе материалов рельефно показали вместе с тем нечеткость и ограниченность социально-политического анализа их и более того — идейную порочность отдельных формулировок (там, где автор касался колониального управления края). Отметим, что эту работу Бартольда надо принимать такой, как она есть, не в смысле некритического и апологетического к ней отношения (к последнему нет никаких оснований), а в том смысле, что пойти дальше своих скупых и отрывочных суждений об отдельных отрицательных чертах колониального режима в Туркестане (иногда, впрочем, очень метких и справедливо критических) Бартольд уже не мог. Подняться до высоты понимания подлинной сущности и всех отрицательных качеств колониального режима русского царизма в Туркестане он был не в состоянии. Шли последние годы его жизни и несомненно, что субъективно Бартольд стремился в этой своей работе быть строго объективным, не замечая того, что в действительности пресловутая аполитичность ведет его к самому настоящему объективизму в освещении действительного хода и сущности ряда описываемых событий.

В 1929 г. вышла в свет статья Бартольда «Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов» — концентрат его взглядов по проблеме социально-экономического развития кочевых народов. Один из общих выводов автора сводился здесь к тому, что «без момента обострения классовый борьбы даже в условиях кочевого быта нет почвы для возникновения сильной правительственной власти»⁵⁶.

В последний год жизни Бартольда из печати вышло подготовленное им по поручению Академии наук СССР фототипическое издание получившей широкую известность в мировой науке рукописи — персидского географического трактата анонимного автора (982/3 г. х.) «Худуд ал-алам», вошедшей в анналы востоковедения по имени ее находчика А. Г. Туманского («рукопись Туманского», «аноним Туманского»).

Пореволюционные годы ознаменовались также появлением в печати обширного цикла работ В. В. Бартольда по истории ислама и арабского халифата, в том числе нескольких крупных публикаций. По времени выхода в свет (1918) прежде всего надо отметить три научно-популярные книги Бартольда по исламоведению: «Ислам», «Культура мусульманства» и «Мусульманский мир», работа над которыми велась Бартольдом еще в дореволюционные годы.

Появился также ряд статей — по истории славян, древней Руси, народов Поволжья и Восточной Европы в целом, Ирана, — в которых, как всегда, их автор сочетал широту кругозора с углубленностью специальных знаний.

Продолжалась также публикация Бартольдом рецензий на труды советских и западноевропейских востоковедов. Они содержали и критические замечания, и оригинальные экскурсы в историю науки, нередко приобретаая самостоятельное научное значение.

Остается сказать кратко о научном мировоззрении Бартольда, оговорив, что глубокое и всестороннее исследование его существа и эволюции требует дополнительных усилий советской историографии.

⁵⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, 256 стр. (Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 167—433).

⁵⁶ В. В. Бартольд. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов, Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXXIV, вып. 3—4, Казань, 1929, стр. 1—4 (Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 468—472).

В сравнении с другими прогрессивными русскими востоковедами до-революционного времени Бартольд неоспоримо принадлежало первенствующее место по глубокому и постоянному интересу к жизни и социальной истории народных масс Востока.

Не подлежит, однако, сомнению, что при всех положительных чертах своего научного творчества и при наличии в нем весьма осязаемых проявлений стихийно складывающихся материалистических взглядов на некоторые стороны исторического процесса Бартольд был ученым буржуазной школы с присущим ей идеалистическим пониманием общественного развития человечества. Его прогрессивность не выходила за рамки взглядов передового для своего времени, общественно чуткого и научно широко мыслящего буржуазно-либерального ученого.

Применяя ленинские слова, мы можем сказать, что как ученый Бартольд не поднимался выше «изображения отдельных сторон исторического процесса»⁵⁷.

Прямого воздействия марксистской идеологии на мировоззрение и труды Бартольда мы не обнаружим ни в до-, ни в пореволюционное время. И тем не менее остается в силе верный и важный вывод ученика Бартольда проф. А. Ю. Якубовского, что в ряде случаев Бартольд, не будучи марксистом и не имея здесь ни четких взглядов, ни тем более стройной концепции, все же, «опираясь лишь на свое историческое чутье и на тщательный анализ фактов..., делал те же выводы, что сделал бы историк-марксист»⁵⁸.

Скончался Бартольд 19 августа 1930 г. Смерть застала его за просмотром научной рукописи, вероятно IV тома «Ирана» — ежегодника, основанного по его инициативе Академией наук и им же редактировавшегося. А за два дня до этого он еще успел направить в близкий его сердцу Ташкент письмо, в котором поздравлял местных деятелей с открытием новых рунических надписей⁵⁹.

В последний путь Василия Владимировича провожали его друзья и ученики. От имени первых у могилы Бартольда на Смоленском кладбище выступил Сергей Федорович Ольденбург, от имени вторых — Игнатий Юлианович Крачковский.

Известие о смерти В. В. Бартольда вызвало многочисленные отклики научных учреждений и организаций, высших учебных заведений, отдельных ученых, почитателей и друзей покойного. Естественно было видеть среди полученной корреспонденции соболезнования научной и широкой общественности республик Средней Азии, так много обязанных В. В. Бартольду познанием их историко-культурного прошлого, организацией и развитием научно-востоковедной работы в самой Средней Азии, подготовкой кадров молодых исследователей. «Узбекский народ, — гласила одна из телеграмм, — вступая на путь культурного развития, местные научные работники в трудах покойного найдут обильный материал для уснения истории своей страны, сохраняют благодарную память о своем историке»⁶⁰.

13 декабря 1930 г. состоялось заседание Академии наук СССР, посвященное памяти В. В. Бартольда.

⁵⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 57.

⁵⁸ А. Ю. Якубовский. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда, Вестник Ленинградского университета, Л., 1947, № 12, стр. 66. Другие выводы статьи не столь бесспорны.

⁵⁹ М. Е. Массон. К истории открытия древнетурецких рунических надписей. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 12.

⁶⁰ Архив АН СССР, Ленинград. ф. 2, оп. 17, д. 122, л. 189.

Авторы некрологов и очерков о жизни и деятельности В. В. Бартольда были единсдушны в признании его исключительно высоких заслуг перед советской и мировой наукой.

Наука, разумеется, не стоит на месте и неумолимая рука времени не могла не коснуться работ Бартольда. Со времени первой его публикации прошло три четверти века, со времени последней прижизненной — около четырех десятилетий. Для нашей бурной и быстрой эпохи — сроки немалые, и в наши дни выявляется, конечно, устарелость тех или иных положений и формулировок, ошибочность или недостаточность взглядов и выводов Бартольда по тому или иному вопросу, с позиций исторического материализма переосмысливается сущность и значение ряда описывавшихся им исторических событий.

Но в том и состоит научный гений В. В. Бартольда и непреходящая ценность его творческого наследия, что последнему суждено и сейчас, и в будущем оставаться незаменимым и неизменным спутником востоковедов разных поколений. Колоссален запас сведений и тщательно установленных данных в этом наследии, огромен сосредоточенный в нем фактический материал, неисчерпаем арсенал метких и тонких наблюдений и замечаний исследователя, обширен цикл выдвигаемых «догадок и гипотез» (слова Бартольда), предварительных соображений, ждущих своего решения, богат свод данных к истории накопления востоковедческих знаний. А мастерское умение Бартольда владеть источниками надолго будет служить образцом и примером для историков, языковедов, литературоведов. Не случайно научная и широкая советская общественность с таким вниманием и интересом отнеслась к выходящему сейчас изданию сочинений В. В. Бартольда.

Научным трудам В. В. Бартольда суждена долгая и плодотворная жизнь, тем более, что «всестороннее исследование истории и культуры Центральной Азии» продолжает иметь «большое научное и общественное значение», поскольку «народы Центральной Азии внесли огромный вклад в развитие мировой цивилизации и продолжают играть важную роль в современном мире»⁶¹.

Народы нашей страны, особенно Средней Азии и Казахстана, изучению истории которых В. В. Бартольд отдал столько сил и энергии, хранят о нем самую добрую и благодарную память.

Б. В. Лунин

**АКАДЕМИК ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАРТОЛЬДИНИҢ
ҲАЕТИ ВА АСАРЛАРИ**

Мазкур мақолада академик Василий Владимирович Бартольд (1869—1930) тугилган кунининг 100 йиллигига бағишланган бўлиб, унда Совет Иттифоқи ва дунё шарқшунослик фанига йирик ҳисса қўшган машҳур олимнинг ҳаёти ва ёзиб қолдирган асарлари ҳақида гапирилади.

⁶¹ Приветствие Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина участникам Международной научной конференции ЮНЕСКО по изучению цивилизаций народов Центральной Азии, Правда, 18 сентября 1968 г.

Л. М. ЛАНДА

В. В. БАРТОЛЬД И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ

В процессе становления советской исторической науки в Узбекистане происходило сплочение историков на позициях исторического материализма, утверждалась марксистско-ленинская концепция исторического прошлого узбекского народа.

Вместе с тем советская историография Узбекистана имела возможность использовать наследство, накопленное местной исторической традицией, критически переработать и сделать своим достоянием лучшие достижения русского востоковедения, в частности той академической школы, признанным главой которой был акад. В. В. Бартольд.

Богатое и разнообразное наследие В. В. Бартольда продолжает служить советской науке. Как справедливо отметил А. Ю. Якубовский. «он оставил огромное научное наследие, богатство которого, оплодотворенное в наше советское время марксистско-ленинским методом, принесло большую пользу советской науке в области изучения истории и археологии Средней Азии»¹.

Хотя Бартольд и в послеоктябрьские годы подчеркивал свое стремление служить «науке вне политики», жизнь брала свое: объективно он всей своей деятельностью способствовал организации и росту советской исторической науки.

С огромным удовлетворением читал он лекции для слушателей курсов по архивному делу, организованных осенью 1918 г. при Археологическом институте в Петрограде. «Мне самому удивительно, — писал В. В. Бартольд, — что в такое неблагоприятное для науки время.... полтораста слушателей мог собрать курс по такому специальному вопросу, как хранение документов в мусульманских государствах, читаемый человеком, не претендующим на качество увлекательного лектора»².

В плодотворной деятельности В. В. Бартольда в советское время значительное место занимает его активное участие в развертывании научной работы в среднеазиатских республиках.

В краткой статье невозможно рассмотреть все разносторонние связи В. В. Бартольда с научными учреждениями и отдельными учеными Советского Туркестана. Объективная критическая оценка научных трудов Бартольда, созданных после революции, — предмет специального историографического исследования. Нам хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые моменты живых связей В. В. Бартольда с общим процессом развития советской исторической науки в Узбекистане, до

¹ А. Ю. Якубовский. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда, Вестник Ленинградского университета, Л., 1947, № 12, стр. 79.

² ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп 1, д. 27, л. 286—287.

сих пор почти не отраженные в современной литературе, используя в качестве источника сведения из личных архивов В. В. Бартольда и одного из его адресатов — Н. П. Остроумова, а также материалы Наркомпроса Туркеспублики. При этом учитывается и предыдущий опыт советских историографов³.

Не имея возможности до 1920 г. посетить Туркестанскую АССР, окруженную фронтами гражданской войны, В. В. Бартольд тем не менее заботился об оживлении научной работы в крае. Еще летом 1918 г. он ставил перед местными деятелями задачу «вдохнуть жизнь» в работу Туркестанского кружка любителей археологии (или другой организации, которая заменила бы его) и пытался выяснить судьбу находящихся в Ташкенте ценных коллекций древностей. Благодаря хлопотам В. В. Бартольда, Академия наук в октябре 1918 г. выделила три тысячи рублей для возобновления работ по археологическому изучению и охране памятников древности на территории Туркестана⁴.

В течение двух с половиной лет В. В. Бартольд деятельно участвовал в большой подготовительной работе, связанной с открытием в Ташкенте государственного университета.

Ни на один день не прекращал В. В. Бартольд научных занятий по истории Туркестана. Поскольку в условиях гражданской войны печатание крупных научных работ было затруднено, он готовил популярные издания, которым, как он писал, «приходится после революции отдавать почти все время, свободное от непосредственных служебных занятий».

В ноябре 1918 г. В. В. Бартольд говорил о своих творческих планах: «На очереди еще многое. Теперь пишу по заказу из Москвы статью о восточном империализме, т. е. о трех средневековых восточных империях: халифате, монгольской империи и Турции. Кроме того, предполагается издать здесь книгу о Туркестане, для которой мне поручено писать очерк культурного уровня и потребностей туркестанского населения в связи с историей края. Не теряю надежды в будущем году составить и представить в археологическую комиссию историко-топографическое исследование о Самарканде; кроме того, хотелось бы закончить давно уже начатый учебник по истории Туркестана. Наконец, хотелось бы издать и перевести относящиеся к Средней Азии, Китаю и Индии отрывки из рукописи Туманского»⁵.

Как только открылось регулярное сообщение по железной дороге Ташкент—Оренбург, В. В. Бартольд со вторым университетским эшелонном совершил первую после революции поездку в Туркестан (27 августа — 25 ноября 1920 г.). Он был командирован сюда Российской академией истории материальной культуры «для ознакомления на месте с состоянием памятников прошлого, с условиями научной работы в крае и для составления, по соглашению с местными деятелями, плана дальнейших исследований»⁶.

³ Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958; его же. Туркестан в материалах личного архива В. В. Бартольда, Общественные науки в Узбекистане, 1965, № 6, стр. 48—54 (здесь говорится в основном о дореволюционном периоде деятельности ученого); Н. М. Акрамов. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд (научно-биографический очерк), Душанбе, 1963.

⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, д. 27, л. 284—285.

⁵ Там же, л. 288—289.

⁶ Ленинградское отделение Архива АН СССР (ЛОААН), ф. 68, оп. 1, д. 439, л. 49. См. также: В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, Сочинения, т. IV, М., 1967, стр. 243—261.

Трехмесячное пребывание ученого в Туркестане было весьма плодотворным. Вот, например, характерная запись о заботах ученого в эти дни (по записной книжке Бартольда 1920 г.): «Справиться у Мухина о работах Райковой и Лазова в Туркестане по библиографии для Туркестанского отдела КЕПС (Комиссия по изучению естественных производительных сил России при АН СССР. — Л. Л.). Постараться поставить дело о библиотеке и музее согласно проектам. Переговорить с Нечкиным, главой архивного управления, ведающего работами по археологическому изучению края (федерация с Туркестанским отделом Географического общества и с археологическим кружком)... Переговорить с Бушем о посылке местных изданий в Петроград»⁷.

Как известно, 13 июня 1920 г. в замечаниях на пресект Постановления ЦК РКП(б) «Об основных задачах партии в Туркестане» В. И. Ленин выдвинул предложение «поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению»⁸. Это предложение В. И. Ленина стало поворотной вехой в перестройке этнографического изучения народов Средней Азии. В местных научных кругах обсуждались проекты создания особой научной Комиссии по изучению быта коренного населения Туркестана (она была образована 22 мая 1921 г. при Совнарком ТАССР). Государственный ученый совет (ГУС) Наркомпроса Туркеспублики признал работы Комиссии, в частности составление этнографической карты, «имеющими серьезное государственное значение»⁹.

В. В. Бартольд был знаком с этим начинанием. Среди «посильных» задач изучения Туркестана он назвал и составление этнографической и археологической карты¹⁰. В дальнейшем ученый следил за ходом работ этнографических экспедиций, организованных Комиссией по изучению быта коренного населения Туркестана, высоко оценивал их научное значение и содействовал их успешному продолжению. Не случайно один из организаторов и ученый секретарь Комиссии проф. М. С. Андреев в письме В. В. Бартольду (24 мая 1922 г.) сообщал о результатах своей работы над этнографической картой: «Собираюсь выехать на днях, чтобы немного поездить в Джизакском и Ташкентском уездах, где у меня осталась немного незаконченная работа по этнографической карте Самаркандской области. Самаркандский и Катта-Курганский уезды мною закончены летом 1921 г. На карту нанесли, между прочим, все попавшиеся узбекские роды, указав районы их проживания. Удалось наткнуться на очень любопытные вещи»¹¹.

Когда в 1922 г. Комиссия испытывала недостаток средств, В. В. Бартольд «довел до сведения состоящей при Российской Академии Наук Комиссии по изучению племенного состава населения (КИПС) о той ценной научной работе, которая ведется в научной комиссии в Туркестане по составлению этнографической карты». После сообщения В. В. Бартольда КИПС 18 августа 1922 г. обратилась в Совнарком Туркеспублики с письмом, в котором ввиду «большой научной важности предпринятой научной комиссией работы», ходатайствовала об оказании ей материальной поддержки¹².

⁷ ЛОААН, ф. 68, оп. 1, д. 355, л. 29—31, 57.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 436.

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-34, оп. 1, д. 1182, л. 124.

¹⁰ ЛОААН, ф. 68, оп. 1, д. 82, л. 6; журн. «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 1, стр. 1—11.

¹¹ ЛОААН, ф. 68, оп. 2, д. 5, л. 8.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-34, оп. 1, д. 158, л. 1, 13.

Востоковедные учреждения Петрограда, как старые, так и возникшие после революции, установили тесные контакты с научными силами Туркестана и включились в широкую программу изучения его истории, организации археологических работ, охраны и реставрации памятников древнего среднеазиатского зодчества, собирания и изучения восточных рукописей. В. В. Бартольд, стоявший во главе Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук и Разряда археологии и искусства Средней Азии РАИМК, находился в центре всех мероприятий по Туркестану, помогал своими советами и консультациями, руководил работами местных ученых и молодых аспирантов, писал отзывы на труды о Средней Азии и содействовал изданию лучших из них.

С нетерпением ждали приезда Бартольда в Туркестан студенты и преподаватели Туркестанского восточного института (впоследствии восточного факультета ТуркГУ). «Хотелось бы очень поскорее увидеть Вас здесь, — писал Бартольду 4 февраля 1925 г. проф. М. С. Андреев. — Наши студенты, как доводилось слышать от них, прямо жаждут Ваших лекций»¹³.

Наркомпрос ТАССР в ноябре 1921 г. решил издать в виде учебного пособия по истории Туркестана курс лекций, прочитанных В. В. Бартольдом в 1920 г. в Восточном институте и на историко-филологическом факультете ТуркГУ. Секретарь ЦК КПТ Назир Тюрякулов содействовал получению рукописи и скорейшему изданию книги, а впоследствии отзывался на ее выход хвалебной рецензией¹⁴. Отдельное издание под названием «История Туркестана (конспект лекций)» было опубликовано в Ташкенте в 1922 г.¹⁵

В августе-сентябре 1925 г.¹⁶ Бартольд вновь посетил Узбекистан для ознакомления с местными рукописными собраниями и состоянием памятников материальной культуры. Кроме Ташкента, он побывал в Самарканде, Бухаре, Шахрисабзе, читал лекции на восточном факультете САГУ, занимался в библиотеках и музеях. Третья поездка в Среднюю Азию состоялась в апреле-июне 1927 г. Бартольд приехал в Ташкент 24 апреля, читал курс лекций на восточном факультете САГУ и в Казахском высшем педагогическом институте, опубликованный затем (1928) под названием «История турецко-монгольских народов (конспект лекций)»¹⁷, посетил Бухару, Хиву, Чимкент, Ашхабад. В своих докладах Бартольд поставил перед местными научными силами ряд важнейших задач по изучению исторического прошлого Средней Азии.

С большой радостью воспринимал свои поездки в Среднюю Азию и сам Бартольд. «Для меня будет горьким разочарованием, — писал он в марте 1925 г., — если и в этом году, как в прошлом, мне не удастся попасть в Ташкент». Когда же вопрос о командировке был решен, Бартольд не скрывал своего удовлетворения: «Буду рад, если удастся с пользой для дела принять участие в работе, происходящей в Туркестане»¹⁸.

Письма, получаемые В. В. Бартольдом от ученых-востоковедов Средней Азии, содержат обильную и ценную информацию о событиях

¹³ ЛОААН, ф. 68, оп. 2, д. 5, л. 25.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-34, оп. 1, д. 1182, л. 51; Жизнь национальностей, 1923, № 2.

¹⁵ См. В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 107—166.

¹⁶ Н. М. Акрамов (указ. соч., стр. 81) неправильно датирует эту поездку августом-декабром. Между тем уже в первых числах октября 1925 г. В. В. Бартольд приступил к чтению лекций в Ленинграде, после возвращения из Ташкента. См. ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, д. 27, л. 422.

¹⁷ См. В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 195—229.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, д. 27, л. 410, 415.

местной научной жизни: предполагаемых изданиях, результатах экспедиций, состоявшихся конференциях и съездах, образовании новых учреждений и т. п.

Эта информация сама по себе представляет весьма важный источник по истории исторической науки в Средней Азии и Узбекистане; вместе с тем она дает представление о живом интересе В. В. Бартольда к развитию национальных историографий. Так, узнав о начале в Ташкенте издании военно-исторического журнала «Военная мысль», Бартольд просил прислать ему вышедшие номера; в письме от 2 июня 1922 г. А. А. Семенов сообщает: «Военную мысль» постараюсь Вам достать»¹⁹.

В. В. Бартольд систематически получал сведения о состоянии археологических работ, результатах экспедиций, деятельности исторических учреждений в Средней Азии. Ему сообщали о находке резной деревянной колонны в таджикском кишлаке Обурдан и о плохой сохранности архивов в Красноводске, о намечавшемся (но не осуществленном) издании Среднеазиатской энциклопедии и об итогах этнографической экспедиции на Памир, об учреждении нового научного общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами и о рыночных ценах на восточные рукописи. По признанию самого В. В. Бартольда, он постоянно следил за печатью Узбекистана: «С «Правдой Востока» меня знакомит С. Е. Малов, аккуратно вырезающий оттуда все более или менее интересное»²⁰.

Общеизвестно, с каким интересом встречал Бартольд каждое новое исследование о Средней Азии, с какой высокой требовательностью относился к научному уровню исторических трудов; он не признавал за ними научного значения, если они написаны «без критического отношения к первоисточникам и без возможности пользования ими»²¹. Большинство таких критических отзывов и рецензий В. В. Бартольда теперь широко известны благодаря включению их в публикуемые ныне сочинения ученого, однако многие суждения, замечания и мысли Бартольда, рассеянные в письмах различным адресатам, составляют и поныне слабо исследованную часть его историографического наследия.

Еще при жизни В. В. Бартольда некоторые его труды, имевшие важное значение для освещения истории Узбекистана в древности и в средние века, были переведены на узбекский язык («Туркистанинг сувғарилиши тарихи», Самарканд—Ташкент, 1926; «Қисқача ислам маданияти тарихи», Ташкент, 1927).

В личном архиве ученого сохранилось письмо к нему Назирата просвещения Бухарской Народной Советской Республики от 4 сентября 1924 г., в котором сообщается, что Назират в 1923 г. поручил писателю Фатиху Каримову перевести на узбекский язык «Историю Туркестана» (курс лекций). Назират просил также разрешения на перевод и издание капитального труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»²². Нам не удалось пока установить, был ли издан на узбекском языке курс лекций «История Туркестана». Что касается монографии «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», то перевод ее на узбекский язык (ч. II, Исследование) был осуществлен Ф. Каримовым в 1931 г.²³; теперь это издание стало библиографической редкостью.

¹⁹ ЛОААН, ф. 68, оп. 2, д. 221, л. 113.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, д. 27, л. 459.

²¹ ЛОААН, ф. 208, оп. 3, д. 33, л. 56 (письмо В. В. Бартольда С. Ф. Ольденбургу).

²² Там же, ф. 68, оп. 1, д. 449, л. 172.

²³ Мангуллар даврида Туркистан, Москва—Самарканд, 1931.

Советская историография достойно оценила значение огромного научного наследия В. В. Бартольда, отвергая то, что относится к идейному багажу буржуазной науки и вместе с тем используя и развивая все лучшее, что оставил нам в своих трудах академик Василий Владимирович Бартольд.

Л. М. Ланда

**В. В. БАРТОЛЬД ВА СОВЕТ ЎЗБЕКИСТОНИДА ТАРИХ ФАНИ
ПАЙДО БЎЛИШИНИНГ БАЪЗИ МАСАЛАЛАРИ**

Мақолада академик В. В. Бартольднинг Совет Ўзбекистонига тарих фани пайдо бўлиши ва ривожланишига қўшган ҳиссаси архив ҳужжатларидан олинган конкрет материаллар асосида кўрсатиб берилган.

А. АББАСОВ

ВАСИЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ВЯТКИН

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения известного самаркандского археолога, востоковеда и талантливого педагога Василия Лаврентьевича Вяткина.

Василий Лаврентьевич родился в августе 1869 г. в г. Верном (Алма-Ата) в семье казака-переселенца. После окончания сельской школы он был послан в Ташкентскую учительскую семинарию¹, которую окончил в 1894 г. По окончании семинарии он работал учителем в г. Ош, а затем переехал в Самарканд, где и развернулась его научно-краеведческая деятельность.

Вначале В. Л. Вяткин изучал многочисленные вакуфные документы, собранные в отделе земледелия Самаркандского областного правления, а затем другие письменные источники. Вскоре он стал лучшим знатоком истории Самарканда. Молодой исследователь, не получивший специального историко-востоковедческого образования и не имевший научного руководства, уже через два года после приезда в Самарканд начал публикацию серии работ, свидетельствующих о его глубоких и разносторонних знаниях². Сначала это были переводы-пересказы различных легенд, за ними последовали рецензии, а потом — исследования, основанные на изучении первоисточников³.

Среди научных работ В. Л. Вяткина того времени мы находим этнографический этюд о праздновании нового года (науруз) в Самарканде, исследование биографий мистиков-суфиев, полный перевод «Самарии» с комментариями, очерки по исторической топографии окрестностей Самарканда.

Серьезное внимание специалистов привлекли исследования В. Л. Вяткина «К исторической географии Ташкентского района»⁴, «Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета»⁵. В них было использовано большое количество вакуфных документов, содержащих ценный историко-географический материал, никем до этого не использованный.

¹ Б. В. Лукин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958, стр. 72.

² В. А. Шишкин. Василий Лаврентьевич Вяткин (к тридцатилетию со дня смерти). История материальной культуры Узбекистана, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 144—151.

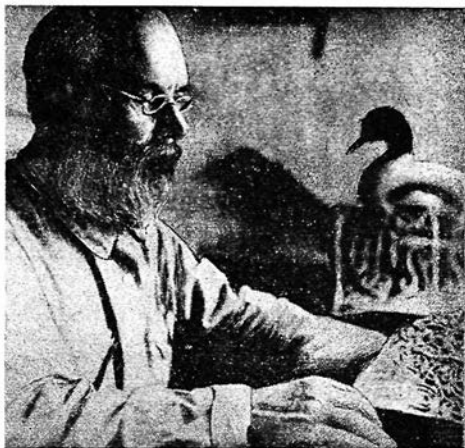
³ Там же, стр. 151.

⁴ В. Л. Вяткин. К исторической географии Ташкентского района, Туркестанские ведомости, 1900, № 101.

⁵ Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 1—83.

В. Л. Вяткин изучил свыше трех тысяч актов-юридических документов XIV—XX вв. — указов, распоряжений, ярлыков эмиров и ханов, высших государственных должностных лиц, а особенно вакуфных грамот, отражавших аграрные отношения, налоговую политику и положение трудящихся масс.

Исследование исторической топографии и источников привело ученого к занятиям археологией, а также памятниками древности, прежде всего архитектуры Самарканда. При самом деятельном его участии в 1896 г. в Самарканде был создан музей (ныне Республиканский музей истории культуры и искусства узбекского народа).



В. Л. Вяткин.

По представлению В. В. Бартольда 18 апреля 1903 г. Археологическая комиссия назначила В. Л. Вяткина первым «смотрителем памятников древностей Самарканда»⁶. С этого времени и до конца своей жизни В. Л. Вяткин неутомимо вел работу по изучению богатейших памятников материальной культуры Самарканда. Много энергии приложил он и для организации охраны и ремонтно-реставрационных работ памятников древности других городов Средней Азии.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии дал В. Л. Вяткину в 1903 г. ответственное поручение — составление точного плана Самарканда и его окрестностей с нанесением всех памятников и остатков древних стен, окружавших город с прилегающими районами⁷. Поручение это «было с успехом выполнено»⁸.

На протяжении почти сорока лет ни одно из местных историко-архе-

⁶ Архив ЛОИА АН СССР (быв. Археологической комиссии), д. 693, 1895 г.

⁷ Протокол заседания Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА) от 26 апреля 1903 г., Известия РКСВА, вып. II, СПб., 1904, стр. 6—8.

⁸ В. А. Шишкин. Указ. статья, стр. 145.

ологических исследований по Самарканду не обходилось без непосредственного участия В. Л. Вяткина. Многие из них предпринимались по его личной инициативе.

В 1904 г. В. Л. Вяткин участвовал в проводимых В. В. Бартольдом раскопках на Афрасиабе. Первые самостоятельные раскопки он осуществил на Намазга (в Самарканде). С 1905 г. основным объектом археологических исследований В. Л. Вяткина стал Афрасиаб. В первый же год он открыл и частично раскопал соборную мечеть Самарканда, сгоревшую в 1220 г. при взятии города монголами. Позднее он раскапывал цитадель и другие места городища, а в 1912—1913 гг. — комплекс зданий в западной части городища, где была обнаружена замечательная резная алебастровая панель X в. (раскопки здесь были продолжены в советское время, в 1925—1930 гг.).

Кроме Афрасиаба и его ближайших окрестностей, В. Л. Вяткин исследовал мавзолей Исмаила Самани в Бухаре (1925 г.); производил небольшие раскопки в древнем Термезе в качестве участника экспедиции Московского музея восточных культур (1927 г.); совместно с Б. Н. Засыпкиным 25 сентября 1927 г. открыл так называемые «Здания № 1»⁹ — дворец термезских правителей с богатейшей резной декорировкой алебастровых стен XI—XII вв.; сделал рекогносцировку на городище Арбиджан (1929 г.); ознакомился с памятниками Хорезма (1929 г.).

Выдающимся научным открытием В. Л. Вяткина явилось обнаружение на основе глубокого изучения источников знаменитой обсерватории Улугбека (1908 г.), которой был посвящен ряд его статей, раскрывающих значение этого замечательного памятника древней культуры народов Средней Азии¹⁰.

За огромные заслуги в области археологии, востоковедения, кропотливую научную деятельность по изучению истории Самарканда, за собранную коллекцию уникальных восточных рукописей и особенно за открытие остатков обсерватории Улугбека В. Л. Вяткин был награжден в 1911 г. Восточным отделением Русского археологического общества медалью имени В. Р. Розена.

Круг научных интересов В. Л. Вяткина был весьма широк, о чем свидетельствует список его трудов, составленный Е. К. Бетгером по материалам Государственной публичной библиотеки УэССР им. А. Навои и личного собрания М. Е. Массона¹¹. В список вошли 75 научных работ В. Л. Вяткина (статьи, монографии, учебники и др.), из которых 68 были опубликованы. В список не вошла написанная при участии В. Л. Вяткина коллективная работа «Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое»¹². Кроме того, в 1907 г. в Самарканде было выпущено под редак-

⁹ В. Д. Жуков. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза, Труды Узбекстанского филиала АН СССР, сер. I. История, археология, вып. 2, Ташкент, 1941, стр. 168.

¹⁰ К открытию «Самаркандской обсерватории», Туркестанские ведомости, 1909, № 260; Отчет о раскопках обсерватории Мирзы Улугбека в 1908 и 1909 гг., Известия РКСВА, № 11, сер. 2, СПб., 1912, стр. 76—93; Об обсерватории Улугбека, журн. «Ойна» («Зеркало»), 1913, № 2, 3, 5—9; Мирза Улугбек и его обсерватория в Самарканде, в сб. «Мирза Улугбек», Туркестанское научное общество при САГУ, Ташкент, 1925, стр. 6—8.

¹¹ Е. К. Бетгер. Список трудов Василия Лаврентьевича Вяткина, Труды ТашГУ, Новая серия, вып. 172. Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 124—127.

¹² Сборник материалов по мусульманству, СПб., 1899, стр. 3—4.

цией В. Л. Вяткина 3-е издание русско-узбекского словаря С. А. Ладина¹³.

Своей плодотворной деятельностью В. Л. Вяткин внес немалый вклад в развитие археологии, исторической науки и культуры Советского Узбекистана. Среди опубликованных в советское время трудов ученого следует прежде всего отметить «Афрасиаб — городище былого Самарканда»¹⁴, где суммированы итоги изучения материалов с городища Афрасиаб и как бы подведена черта под определенным этапом археологических изысканий на территории Самарканда. Акад. В. В. Бартольд оценил выход этой работы как «значительный шаг вперед по сравнению с тем, что было написано об этом городище...»¹⁵

Результатам археологических исследований в Самарканде были посвящены также работы В. Л. Вяткина «Матрица и штамп из Самарканда», «Самаркандская археологическая хроника»¹⁶ и др.

Большой интерес массового читателя вызвало появление в свет работы В. Л. Вяткина «О памятниках древностей в г. Самарканде»¹⁷. О том, какое значение придавалось изданию этой работы, свидетельствует ходатайство Наркомпроса Узбекской ССР перед Госзнаком РСФСР о выделении бумаги для публикации этой брошюры. В письме Наркомпроса отмечалось ее «ценное научное значение для Узбекистана»¹⁸.

Брошюра В. Л. Вяткина была высоко оценена научной общественностью. «Наконец-то у нас есть вполне научный путеводитель по важнейшим самаркандским памятникам, — писал Б. П. Денике, — несмотря на краткость, путеводитель, написанный лучшим знатоком местных памятников, вполне отвечает своей цели — служит авторитетным введением в изучение исключительных памятников самаркандской архитектуры»¹⁹.

И. И. Умняков указывал, что в брошюре Вяткина собраны краткие сведения о всех самаркандских памятниках. «За научное достоинство книги говорит имя автора, редкого знатока истории и древностей Самарканда»²⁰. П. Е. Корнилов констатировал, что выполненное Вяткиным описание памятников богато «данными, столь необходимыми для ознакомления широких масс»²¹.

В том же году в сборнике, посвященном В. В. Бартольду, вышла работа В. Л. Вяткина «Шейхи Джуйбари. Ходжа Ислам»²², в которой автор с глубоким знанием источников анализирует и подробно описывает родословную бухарских шейхов Джуйбари, знакомит читателей с государственной, политической деятельностью Ходжа Ислама.

Среднеазиатское отделение Русского географического общества опубликовало в 1928 г. работу Вяткина «Каршинский округ, организация

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 62.

¹⁴ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк, Ташкент, 1927, 65 стр.

¹⁵ В. В. Бартольд (рец.). В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб..., в сб. «Иран», II, Л., 1928, стр. 181.

¹⁶ Известия Среднеазиатского музея, вып. III, Ташкент, 1928.

¹⁷ В. Л. Вяткин. Памятники древностей Самарканда, Самарканд, 1927, 32 стр.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-1591, оп. 1, д. 4, л. 49.

¹⁹ Б. Денике (рец.). В. Л. Вяткин. Памятники древностей в г. Самарканде. Самарканд, 1927, Новый Восток, кн. 20—21, М., 1928, стр. 482—483.

²⁰ И. И. Умняков. Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. I, Ташкент, 1928, стр. 229.

²¹ Вестник Научного общества татароведения, Казань, 1928, № 8, стр. 265.

²² В кн. «В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 3—19.

в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) гг.»²³ Здесь приведены важные данные о г. Карши начала XIX в., об истории населения города, о землепользовании, системе государственного управления и организации войска.

В 1929 г. была опубликована интересная работа В. Л. Вяткина «Архитектура древнего Самарканда»²⁴.

Выполненный В. Л. Вяткиным перевод «Купчей крепости на еврейский квартал г. Самарканда» послужил одним из основных первоисточников для опубликования в 1931 г. очерка З. Л. Амитина-Шапино по правовому быту евреев Средней Азии²⁵. В. Л. Вяткин подготовил к печати материалы по истории узбеков периода правления Шейбанидов, по истории ислама, о денежном обращении на различных этапах истории Узбекистана и др. Некоторые из них вышли в свет посмертно. Так, в 1937 г. были изданы «Казийские документы XVI века»²⁶, подготовленные В. Л. Вяткиным к печати в марте 1931 г.

В 1958 г. в монографическом сборнике «Мавзолей Ишратхана» была помещена работа В. Л. Вяткина «Вакуфный документ Ишратхана», которую он закончил в 1931 г. Эти и другие работы ученого отличаются богатством и разнообразием привлекаемого материала, глубоким знанием языка документов, умелым анализом первоисточников, новизной постановки и оригинальностью решения многих научных вопросов, скрупулезной точностью в установлении отдельных фактов, дат, в передаче восточных терминов, собственных имен и географических названий.

Следует отметить и энергичную общественную, научно-организационную деятельность Василия Лаврентьевича, особенно развернувшуюся в советское время.

В 1920 г. по предложению руководителей Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР В. В. Куйбышева и М. В. Фрунзе, посетивших Самарканд, была учреждена Самаркандская комиссия по охране памятников старины и искусства — Самкомстарис²⁷. В. Л. Вяткин сразу же принял деятельное участие в ее работе. Он был председателем этой комиссии, а затем — председателем Узкомстариса. Вместе с тем он был почетным членом Ученых советов САГУ и Восточного института, одним из первых профессоров СамГУ, активно участвовал в работе научных обществ, выступал с публичными лекциями, докладами, руководил экскурсиями по Самарканду и его окрестностям и т. д.

До последних дней жизни Василий Лаврентьевич отдавал все свои силы и знания любимому делу. Скончался он 26 июня 1932 г., оставив по себе добрую и благодарную память как о замечательном человеке и труженике науки.

А. Аббосов

ВАСИЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ВЯТКИН

Мақолада самарқандлик атоқли археолог, шарқшунос, ўлкашунос, талантли педагог Василий Лаврентьевич Вяткин (1869—1932) туғилган кунинг 100 йиллигига бағишланган.

²³ Известия Среднеазиатского отдела Русского географического общества, т. XVIII, Ташкент, 1928, стр. 9—26.

²⁴ В. Л. Вяткин. Архитектура древнего Самарканда, М., 1929, 35 стр.

²⁵ З. Л. Амитин-Шапино. Очерк правового быта среднеазиатских евреев, Ташкент—Самарканд, 1931.

²⁶ Казийские документы XVI века, Ташкент, 1937.

²⁷ Известия Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 300—301.

Я. Ф. ФУЛОМОВ

В. Л. ВЯТКИН ҲАҚИДА ХОТИРАЛАР

Бутун ҳаётини илмга, меҳнатга бағишлаган олижаноб сиймолар ҳақида кўрган-билганларининг эслаш ва улар ҳақида қалам тебратишдек мароқли ишга камдан-кам дуч келади киши.

Мен В. Вяткинни хотирлар эканман унинг бир шогирди, аввал уни ёмон кўриб, кейин ихлос қўйган фан арбоби сифатида хотирлайман.

1921 йилнинг августида Тошкентдаги 8-интернат болаларидан бир қисмини Самарқандга экскурсияга олиб бордилар, шулар ичида болалардан мен, бир неча ўқитувчилар, Али Ардобус, Юсуф Алиев, кейинчалик кино режиссёри Наби Ғаниевлар бор эдик. Бизни Қўшҳовуз маҳалласида Усмонбойнинг ташқари ҳовлисига жойлаштирдилар. Шунда Юсуф Алиев ҳузурига баланд бўйли, кенг пешонали, тепа сочи тўкилиб кетган, кўзойнакли, 50 ёшлар чамасидаги бир рус киши келиб юрди. Унинг оёғида таги қалин, оғир солдатча ботинка, эғида анча уринган, тахи ва рахидан ҳеч асар қолмаган оч сабзаранг мовут шим ва «толстовка» деб аталган 4 чўнтакли каламинка кўйлак, бошида эса қалин фуражка эди. Қўллари темирчи усталарникидек сертомир, бармоқлари тердан ёрилган ва жуда йирик эди. Дарвозадан кириб келишданок унинг оёқ товуси ҳаммани ўзига қаратар, киришдан ҳаммага илтифот билан ўзбекча «эсон-омон ўтирибсизларми, кайфиятчиликми?» деб баъзи болаларга тегишиб ҳам қўяр эди. Бизнинг экскурсиямизни ташкил қилиб юрган самарқандлик бир ўқитувчидан бу одам тўғрисида сўраганимизда — Самарқанд ҳарбий губернаторининг муовини бўлиб ишлаган, миссионер Вяткин шу бўлади деб уни бизга олабўжи қилиб танитди ва биз уни ёқтирмадик, у билан ҳамсуҳбат Юсуф Алиевни ҳам ёмон кўрдик. Шундан 5 йил ўтиб 1927 йил январда Самарқандда Олий педагогика Институтини очилди. Мен эса 1926 йил баҳорда ўлка ўзбек билим юртини тугатиб кузда Урта Осие давлат университетининг инженер-меллиорация факультетига имтиҳондан ўтолмай мактабда ўқитувчилик қилардим. Январда Самарқандга бориб ижтимоий фанлар факультетининг рус группасига кирдим. Ўқитиладиган фанлар қаторида «Мусулмон шарқи тарихи» деган курс қўйилиб, уни В. Л. Вяткин ўқийди деб эълон қилдилар. Мен 1921 йил таъсири билан В. Вяткиннинг бизга дарс беришига норозилик кўрсатувчиларининг бири бўлиб институт директори профессор Меркуловичга норозилик билдирдик. Мен ўзимни ўткир тарихшунос ҳисқилардим, чунки 1922 йилдан бошлаб татар тилида, озарбайжон тилида чиққан тарихий асарларни ўқиган, аynиқса 1924 йилда татар, ўзбек аралаш тилда чиққан. Г. Вамберининг «Бухоро ёхуд Мовароуннаҳр тарихи» номли асари менга ёд бўлиб кетган эди. Шунинг учун В. Вяткиндан кўп нарса ўрганишга ишонқирамадим. Биринчи лекцияга кирган бу одамнинг ўша таниш қиёфаси ўзгармаган, фақат бошида эски қоракўл папox, ёқаси берк мовут гимнастёрка, оёғида ҳамон ўша солдатча ботинка,

кўзида ойнак, соч ва соқоли анча оқарган эди. Унинг товуши шунчалик баланд эканлигини илгари пайқаммаган эканман, чунки 1921 йилда унинг товушини фақат ҳовлида эшитган эдим, энди эса у аудиторияда гапирганида рус казакларига хос катта бурнининг парралари учиб турарди. Лекцияни у, аудиториянинг у бошидан — бу бошига юриб ўқиди, юриши ҳарбийча бўлгани учун оғир солдатча ботинкасининг гумбирлаши лекцияни эшитишга ҳалақит бермасди. Лекция пайтида у на консектга, на студентларга қарарди, фақат баланд бир нуқтага тикилганича воқеалар, номлар, саналарни ва ҳатто воқеага алоқадор форсча шеърларни ёддан айтиб кета берар, гоҳ бирор нарса хотирига келмай қолса, юришдан тўхтаб соқолини тутамлаб им-м-м деб қолар ва тездан эслаб, яна давом этарди. Биринчи лекциясидаёқ у менинг илгариги қарашларимни остин-устин қилиб юборди, чунки унинг билганлари олдида менинг ўзимга бўлган эътимодим пучдек кўрина бошлади. У ўзининг асосий тарихи манбаларини Х асрдаги Муҳаммад Жарир Табари, Муҳаммад Наршахи, Худудил олам ва кейинги асрлардаги Ибн-Асир Жувайний ва бошқаларни шундай характерлаб бердики, улар қаршисида менинг ўқиб юрган тарих китобларим ҳеч бўлиб қолди. Бунинг устига, бизга рус тилида сиёсий иқтисоддан лекция ўқувчи коммунист Отажон Ҳошимов бизнинг В. Вяткинга нисбатан бўлган кайфиятимиздан огоҳ бўлиб, мени ва бир неча студентларни директор кабинетига чақириб В. Вяткиннинг ўтмишдаги ва ҳозирги хизматларини мақтаб, унинг чинакам совет олими ва актив ватанпарвар эканлигини яхши ўқитди, биз у ердан тамоман бошқача бўлиб чиқдик.

Шундан кейин В. Вяткин кўз олдимда соф инсон, билимдон, унга эргashiга арзийдиган ажойиб олим бўлиб гавдаланди. Лекция вақтида унинг сўзини бўлиб савол берардик ва у берилган саволларга албатта жавоб берарди. Чунки у киши лекциясининг охирида саволга вақт қолдирмас, қўнғироқ чалиниши билан чиқиб кетарди. В. Вяткин савол ва жавоблардан мен унинг лекциясини жуда эътибор билан эшитаётганимни пайқаган шекилли, бир дафъа у коридорда аудиториядан чиқишимни кутиб турган экан, мен яқинлашишим билан ўзбекчалаб бояги саволга жавобини тафсифлаб гапира кетди. Менга асл манбаларни синчиклаб ўқишни биринчи бўлиб маслаҳат берган ҳам шу В. Вяткин бўлди, у ўзи бир лекциядан кейин мени Самарқанд Эски шаҳарига олиб кетди. Регистон кўчасидаги кутубхонага олиб кирди. Унда ишлаб турган ёшу қари ҳаммалари ўриларидан туриб қарши олдилар ва «домло» деб у билан ўзбек ва тожик тилларида куюқ сўраша кетдилар. Бу кишининг маҳаллий зиёлилар орасида бунчалик мўътабар ва улар билан спок-чопоқ эканини шунда пайқадим. Домла ўзи баланд шкаф олдида стул кўйиб, юқоридан чанг босиб ётган катта китобларни олиб тушди. Бу китоб «Тарихи Табарий»нинг туркча таржимаси эди. Шу ерда ўтириб у китобнинг қайси бобларини биринчи навбатда ўқишни менга кўрсатиб берди. Китобнинг ўзи туркча бўлгани билан сарлавҳалари форсча эди. Домла форс ҳам туркчани бунчалик равои ўқишини хаёлимга ҳам келтирмагандим. У кишининг сўзи билан кутубхона мудирини менга ўз кабинетида жой кўрсатди, ўша кунёқ мени бошлаб Регистонга ўз кабинетида олиб борди. Кабинет Тиллақори мадрасасининг бир ҳужрасида бўлиб, стол усти китоб ва папкалар билан тўла эди, улар ёнида папирос қутисиди эски чақалар ётар эди, девордаги тахта полкаларда қадимги сопол, шиша идишлар, бинолардан тушган рангбаранг қошин парчалари, хат ўйиб ёзилган мрамар парчалари, сополдан қилинган от, одам ва қўчқор ҳайкалчалари қатор турар эди.

В. Вяткин бу ерда тарихий ёдгорликларни сақлаш комитетининг раиси экан. Илора ходимлари ва ташқаридан келган устанамо кишилар би-

лан рус ва тожик тилларида муомала қилиб, уларни жўнатгач, полкадаги буюмларга маҳлиё бўлиб турган менга қараб:

Қани, мулла Яҳё, бу топилмаларга нима дейсиз, бир нимага ўхшайдими? — деди ва қаттиқ овоз билан кулди.

— Ердан топилганга ўхшайди, лекин қайсиниси қачонги...

— Гап ана шунда, мен айтаётган археология ана шулар, — деди ва ўрнидан туриб, бир неча улоқ сопол идишларни, хат ўйилган сопол тахталарни олиб бирини сомонийлар, иккинчисини қорахонийлар даврига, учинчисини XVI асрга нисбат берди. Мен бу нарсаларни қанчалик совуқ кузатсам, у шунчалик ихлос билан таништирар эди.

В. Л. Вяткин Афросиёба қазиш ишлари олиб бораётган бўлса ҳам, у ерда доим бўлмас эди. Мени бир неча бор куннинг иссиғида у ерга олиб чиқди. Унда 12—13 ишчи анча ерни кавлаб очишмоқда, ер остидан туташ кетган йўғон қувурлар, пишиқ гиштдан ишланган иморат деворлари, ўйма ганч парчалари, кўмир, сопол идишлар топилиб, фотограф М. П. Завалин топилмаларнинг суратини олмоқда эди. Бу ишларга тушунмаганим учун, домла тезроқ жавоб берса-ю шу жазирама иссиқдан кетсам деб ўйлардим. У киши бизда ёзги каникул эканини ҳисобга олиб мени соат учгача ўзи билан бирга олиб юрди. Иккимиз оч ҳам ташна эдик. Иш тугаб, ишчилар домла билан хайрлашиб кетди, биз яна бир соатча қолдик, унда топилган буюмларни ёзиб-чизиб ўтирган кўз ойнакли аёл ҳамма нарсани домланинг қўриғидан ўтказди ва менинг ёрдамимда уларни қоғозга ўраб боғлади. Биз шаҳар томонга эмас, Сиёбнинг кўпригидан ўтиб Боғи баланд томонга йўл олдик. Мен домланинг чидамига тан бердим, лекин ўзимнинг силлам қуриди ва ўзимча археологиядан анча ранжидим.

В. Л. Вяткин мени Сиёб бўйидаги бир обжувозга олиб кирди. Жувозчининг номи Самадбой бўлиб, домла билан қаттиқ ҳазилкаш экан. Самадбой чой қайнатгунча, домла эчки терисидан қилинган пўстак устига ёнбослаб ухлади қолди. Обжувознинг ер силкитиб гумбирлаши, сувнинг вағирлаши унга асло ҳалақит бермасди. Шу кун то қоронғи тушгунча Боғи баландда айландик, у ердагиларнинг ҳаммаси В. Вяткиннинг танишию ошнас экан. У ҳатто баъзи бирларининг лақабини айтиб тегишди, хонадонларга тўғри кириб бораверади ва ҳаммада тарихий ёдгорликларни сақлаш ва тўлашга алоқадор биронта иши бор. Биров Чилсутун масжиди ҳовлисидаги лойхонадан XV аср қоши парчаларини топиб йиғиб қўйган, биров ажойиб мрамар панжаранинг синигини топган. Бировга от-арава билан аллақандай мрамар тошларни Регистонга олиб бориш буюрилган, биров қўлёзмадан иморат бир тарихий асарни кўрсатмоқчи, бировдан 7—8 ўрам вақфнома ва восиқаларни кўриб чиқиш учун омонат олади. Ҳамма билан ўзбекча, тожикча ҳазил-мутойиба қилади. Ҳамма хонадонда уни иззат-ҳурмат билан кутиб олади. Шароф махдум деган бир кишиникида узоқ ўтириб қолдик, чунки у одам шоир Ақобир хўжа Тўғрал билан ошно экан. В. Л. Вяткин иккиси Тўғрал билан шоир Ажзи шеърларини ёдаки ўқишиб тоза суҳбат қилишди, мен мароқ билан тингладим.

1928—1929 йил ёзида В. Л. Вяткин билан Афросиёба бирнеча марта бўлишга тўғри келди. В. Л. Вяткин ўзининг севган фани — археологияга мендек кишида қизиқиш уйғотишга уринди. У Институтда махсус бир археология кабинети очиб И. Р. Чейлитко деган бир археологни шунга бош қилиб қўйди ва Чейлиткога мени тайинлаб топширди, у ҳам кабинетга археологик материални йиғишда мени ишлатди. У ҳам менда қизиқиш уйгога олмади, кабинет ҳам узоқ давом этмай ёпилди. 1929 йили мен ҳам студент эдим, Институтнинг профессорлари Б. Солнев, В. Л. Вяткин ҳам А. Фитрат ўзаро маслаҳат қилишиб, Институтда Ўрта Осиё

тарихи ва адабиётни кабинетни очиб, шунга мени ассистент қилиб тайинлашди. Кабинетга жуда кўп қўлёзма китоблар тўпладик. Бу ишда ҳам катта хизматни В. Вяткин қилди. У мени бошлаб кўп жойларга олиб борди, кўп китоб мухлислари билан таништириб, уларга китоблар олиб бордик. Улар кабинетга тез-тез келиб, узоқ-узоқ ўгирадиган бўлиб қолишди. Менинг археологга айланишим фақат тарихшунос бўлибгина қолишга интилишимни яхши пайқаган Василий Лаврентьевич шу узоқ ва яккама-якка суҳбатларда кўпроқ тарихий бинолар, шаҳар хазобаларининг худди архив сингари бир хазина эканлиги, қадимги шаҳарларнинг топографик тузилиши, тарихда ҳунарманд ишчиларнинг моҳирлиги сингари темаларда сўзлаб, мени қизиқтира бошлади.

В. Л. Вяткиннинг икки киссасида доим қадимги пуллар юрар эди, чунки у икки қўли билан пулларни ишқар уларнинг зангини очишга ва шундан кейин хатини ўқишга уринар эди. Кабинетга келиб ўтирган ҳамон киссасидаги пуллар стол устига ёйилиб, бир чекадан қайта-қайта лупа остига олинар эди. Кабинетдаги суҳбатлар, музей, Афросиёб ва турли тарихий жойларга қайта-қайта бирга боришимиз натижасида В. Л. Вяткин мени ўз йўлига сола олди, бироқ бу мендаги бурилиш анча кечикиб бўлди, чунки 1931 йилда мен В. Л. Вяткиндан ажраб Тошкентга келдим ва уни қайтиб кўрмадим.

В. Л. Вяткин ажойиб олим, халқпарвар инсон эди. Уни бутун Самарқанд ва атроф район аҳолилари таниб, «Вяткин бобо» ёки «Вяткин домла» деб атадилар. Унга мурожаат қилганда «домла» дер эдилар.

Кўча-кўйда В. Л. Вяткин билан ҳамроҳ бўлиб юрган кишига қийин эди, чунки кўчада турли кишилар унга салом бериб, тўхтатар, баъзилари узоқ гапга тутиб қоларди. Домланинг бир одати бор эди, у ҳам бўлса бир одам билан кўришганида унинг яқинларининг номини бир-бир айтиб, уларнинг аҳволини сўраб салом йўлларди.

Мен В. Л. Вяткинни файтуида ёки автобусда юришга ундардим. У асло кўнмас, доимо пиёда юрарди, юрганда ҳам кўпинча Жалолоддин Румий ёки Абдураҳмон Жомийнинг маснавийсини ёки Машрабнинг баъзи оташин байтларини аста ўқиб, ҳамроҳини диққатини шунга тортарди.

В. Л. Вяткин устоз кўрмаган, ўз-ўзича ўқиб, ўрганиб, олимлик даражасига етишган ажойиб бир сиймо эди. У археологияга доир адабиётни, Туркистон археология ҳаваскорлари тўғрагининг протоколларини, Русия археология жамиятининг илмий асарларини эримасдан менинг кабинетимга кўтариб келар, айрим мақолаларни ўқиб конспект олишни ва сўнгра имтиҳон тариқасида сўзлаб берасан дерди. Сўнг бу китобларни олиб кетиб, бошқаларини келтирар, мен обориб берай десам йўл қўймай «керакли тошнинг оғирлиги йўқ» дерди. Домла бу асарларни менга системасиз бўлса ҳам зўрлаб ўқитди, кейинроқ ўзим ахтариб ўқийдиган бўлдим, кутубхоналардан топа олмаган нарсаларимни домладан сўрасам бир дафъа «ана холос қозоқи отни емга ўргатсанг тўрванинг тагини ҳам қўшиб кемиради» деган эканлар, баракалло, деб хонани бошига кўтариб куларди ва мен сўраган адабиётларни топишга ёрдам берарди.

Мен В. Л. Вяткинни азиз сиймо, зўр олим, археологиянинг отаси сифатида хотирлайман ва унинг археология фани соҳасида эришган муваффақиятларини қадрлайман, унга тасанно дейман.

Я. Г. Гулямов

ВОСПОМИНАНИЯ О В. Л. ВЯТКИНЕ

В данной статье академик АН УзССР, проф. Я. Г. Гулямов делится своими воспоминаниями о первых встречах и совместной работе с известным ученым — археологом и востоковедом Василием Лаврентьевичем Вяткиным (1869—1932).

О. Д. ЧЕХОВИЧ

В. В. БАРТОЛЬД И В. Л. ВЯТКИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АКТОВ

В. В. Бартольд был одним из первых ученых, обративших внимание на важность среднеазиатских актов как исторических источников. Уже в его докторской диссертации, впервые изданной в 1898—1900 гг.¹, частично опубликовано содержание двух сборников официальных документов по истории Хорезма XII в.

Первый сборник В. В. Бартольд изучал по рукописи Петербургского института восточных языков, описанной В. Р. Розеном² (ныне хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, инв. № С-816). Рукопись не имела заглавия и была условно названа «Иниша». Под этим же названием в 1939 г. изданы некоторые части входящих в ее состав документов (в переводе С. Л. Волина)³.

В. Р. Розен, В. В. Бартольд и С. Л. Волин не знали о существовании в Национальной библиотеке Каира другой, более полной рукописи (инв. № 6292), в состав которой входят те же документы XII в., с добавлением ряда других весьма важных актов, под общим заглавием: «Китаб-и 'атабат ал-катаба». Составителем сборника и автором большинства документов был Мунтаджабаддин Бади', секретарь (мунши) султана Санджара. Каирская рукопись издана в Иране Аббасом Икбалем с предисловием Мухаммада Казвини⁴. Новое исследование документов сборника сделано оксфордским профессором Анной К. С. Ламбтон, поставившей перед собой задачу выяснить на основании этих документов формы административного управления в государстве Санджара; пределы компетенции казиев, раисов, мухтасибов, шихне, наибов и т. д.; значение употреблявшихся в то время терминов⁵.

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты, СПб., 1898; Часть вторая. Исследование, СПб., 1900; см. также: В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963.

² Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales, III. Les manuscrits persans décrits par le Baron Victor Rosen, St.-Ptb., 1886, p. 145—150.

³ Материалы по истории туркмен и Туркмении. т. I. VII—XV вв. Арабские и персидские источники, под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромасквича и А. Ю. Якубовского, Труды Института востоковедения АН СССР, XXIX, М.—Л., 1939, стр. 314—320.

⁴ كتاب عتبة الكتبة مجموعة مراسلات ديوان سلطان سنجر بقلم مؤيد الدولة منتجب الدين بدیع اتابک الجوينی بتصحيح و اهتمام محمد قزوینی و عباس اقبال [تهران] ۱۳۲۹ شمسی (1950)

⁵ A. K. S. Lambton. The Administration of Sanjars Empire as illustrated in the 'Atabat al-Kataba, Bulletin of the School of Oriental and African Studies, vol. XX, 1957, p. 367—388.

Второй сборник «Ат-тавассул ила-т-тарассул» — издан также в Иране А. Бахманьяром с предисловием Мухаммада Казвини⁶. Рукописи этого сборника имеются лишь в Лейдене и Париже. Содержание документов обоих сборников использовано В. В. Бартольдом не только в диссертации, но и во многих других работах⁷. После В. В. Бартольда второй сборник изучал А. А. Семенов. Его переводы и исследование двух важнейших документов из этого сборника содержатся в статье «К вопросу об этническом и классовом составе населения северных городов империи Хорезм-шахов в XII в. н. э.» (Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. 2, 1952, стр. 17—26).

В 1902 г., будучи в научной командировке в Ташкенте и других городах Средней Азии, В. В. Бартольд специально изучал вакуфные и иные акты, хранившиеся в областных правлениях и частных собраниях. Самым важным открытием его в этой поездке была грамота XV в. Омар-шейха, отца Бабура, о пожаловании имени (милк) знатному маргилянцу, вероятно предку казия Джан-ходжи, у которого В. В. Бартольд приобрел указанный документ. Об этой грамоте, написанной уйгурскими письменами, В. В. Бартольд сделал 16 августа 1902 г. доклад на заседании Туркестанского кружка любителей археологии. Доклад был напечатан в Протоколах кружка и в газете «Туркестанские ведомости»⁸. Позднее грамота Омар-шейха была опубликована П. М. Мелиоранским⁹.

В отчете о командировке в Туркестан 1902 г. В. В. Бартольд опубликовал часть текста одной вакуфной грамоты Ходжи Ахрара и несколько указов о пожаловании привилегий мазару шейха Зияядина Сыгнаки. Первый из указов, приписываемый Тимуру, по предположению В. В. Бартольда, был подделан во второй половине XVI в. ради получения привилегий от узбекских ханов. Основанием для сомнений в подлинности указа Тимура послужило, во-первых, употребление ханского титула, которого, по мнению В. В. Бартольда, Тимур никогда не носил, и, во-вторых, особенности стиля этого акта, о чем, к сожалению, в отчете В. В. Бартольда подробно не сказано¹⁰. В настоящее время сыгнакские документы хранятся в ЦГА УзССР¹¹. Все они еще в 1887 г. были признаны подложными переводчиком областного правления Сатар-ханом, который действительно имел для этого некоторые основания.

В. В. Бартольд изучал в Маргилане вакуфные документы Карасканского мазара XVI—XIX вв. и ханские указы о назначении казиями предков Джан-ходжи¹². Некоторые из этих документов исследовал в последнее время А. Джуванмардиев, положив их в основу своей кандидатской диссертации¹³.

⁶ التوسل الى الترسل انشاء و تاليف بيهالدين محمد بن مؤيد بغدادى مقابله و تصحيح محمد بيمينار توران ۱۳۱۸ (1936)

⁷ См., напр., В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 414—417, 531 и др.

⁸ Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, год VII, Ташкент, 1902; Туркестанские ведомости, 1902, № 68.

⁹ П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма султана Омар-шейха, Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества, XVI, СПб., 1905, стр. 01—052.

¹⁰ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества, XV, СПб., 1904, стр. 262—269.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 12689.

¹² В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 275.

¹³ А. Джуванмардиев. К земельно-водным отношениям в Фергане в XVI—XIX вв. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1963.

В 1911 г. В. В. Бартольд обнаружил эпитафический памятник — изложение указа монгольского хана XIV в. Абу Саида, обнаруженное на стене анийской мечети Мануче¹⁴. Хотя обширный и весьма содержательный комментарий В. В. Бартольда в некоторой части устарел¹⁵, эту работу и сейчас можно считать классическим образцом исследования документа.

Таким образом, хотя В. В. Бартольд изучал в основном другого рода источники, но им сделано немало и в изучении актов. При этом он не занимался по существу ни археографией, ни дипломатикой в собственном смысле. Акты интересовали его только как исторический источник и он публиковал их отрывками, без археографической обработки и дипломатического анализа. Тем не менее критика актов, как и других источников, всегда была у В. В. Бартольда на большой высоте.

К началу XX в. относятся и первые публикации В. Л. Вяткина, много и плодотворно исследовавшего вакуфные документы Самарканда и другие среднеазиатские акты.

Первые публикации В. Л. Вяткина, связанные с актами, появились в газетах «Русский Туркестан» и «Туркестанские ведомости» в 1900 г.¹⁶ Будучи служащим Самаркандского областного правления, В. Л. Вяткин участвовал в разборе дел о вакфах Туркестана, которые царское правительство обещало освободить от налогов. Администрация края вскоре после завоевания потребовала от мутаваллиев (заведующих вакфами) предъявления подлинных вакуфных документов, и в поземельно-податных комиссиях, созданных при областных правлениях, были собраны тысячи вакуфных грамот. Многие из них прошли через руки В. Л. Вяткина. Хорошо владея местными языками (узбекским и таджикским), он исследовал вакуфные документы не только с официальной, служебной задачей, определяя их подлинность для освобождения от налогов, но и с научной целью. В. Л. Вяткина интересовали главным образом вопросы исторической географии края, для исследования которых в вакуфных, купчих и прочих поземельных документах содержится богатейший материал. По служебным делам и по собственной инициативе В. Л. Вяткин объехал немало географических пунктов, о которых говорится в документах, и сумел сопоставить современную топонимику с древней. Это сразу дало ему огромное преимущество перед теми, кто работал только над историческими источниками, не имея возможности на месте исследовать возникавшие историко-географические вопросы.

Крупнейшая историко-географическая работа В. Л. Вяткина, основанная на исследовании многочисленных вакуфных и прочих актов XV—XIX вв.¹⁷, до сих пор не потеряла научного значения. По словам В. В. Бартольда, эта работа «по богатству заключающегося в ней нового материала вполне заслуживает названия капитального труда»¹⁸. Высоко оценив как эту, так и предыдущую историко-географическую работу

¹⁴ В. Бартольд. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче. Анийская серия, № 5, СПб., 1911 (Сочинения, IV, М., 1966, стр. 313—338).

¹⁵ Имеется в виду оценка последствий завоеваний Чингиз-хана. Об этом см. И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, стр. 29—46 и др.

¹⁶ К вопросу о вакфах, Русский Туркестан, 1900, № 38; К исторической географии Ташкентского района, Туркестанские ведомости, 1900, № 101.

¹⁷ В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 1—83.

¹⁸ В. В. Бартольд. Рецензия на «Справочную книжку Самаркандской области», вып. VII, Самарканд, 1902. Сочинения, т. III, стр. 269.

В. Л. Вяткина¹⁹, Бартольд вместе с тем отметил некоторые ее недостатки, в том числе отсутствие карты и точных цитат из документов, что лишило читателя возможности проверить выводы автора. Следует заметить, что и теперь еще мы не имеем подробной исторической карты ни Самаркандской, ни других областей Узбекистана. Только для самого Самарканда XV в. и ближайших его окрестностей опубликованы схематические планы М. Е. Массона²⁰.

В 1912 г. В. Л. Вяткин опубликовал статью о вакуфах Самаркандской области, в которой изложил историю этого вопроса с момента присоединения области к России²¹. В 1931 г. в приложениях к книжке З. Л. Амитина-Шапиро опубликованы переводы нескольких частных актов XIX в. о продаже недвижимостей²². Хотя авторство В. Л. Вяткина отмечено только в одном случае (стр. 41), однако по стилю и формулировкам обеих купчих и после сравнения с переводом вакуфного документа Ишратхана можно с уверенностью сказать, что и перевод другого акта (стр. 48—50) сделал В. Л. Вяткин. В связи с этим следует внести соответствующее дополнение в пункт 66 «Списка трудов В. Л. Вяткина», составленного Е. К. Бетгером²³.

Е. К. Бетгер имел достаточные основания для того, чтобы включить в список трудов В. Л. Вяткина и книгу «Казийские документы XVI в.», изданную в Ташкенте в 1937 г. Действительно, заслуга открытия интересной казийской книги XVI в., в которой записано краткое содержание всех актов, заключенных в присутствии самаркандского казая, и перевод этих документов на русский язык принадлежат В. Л. Вяткину.

Выдающийся научный труд В. Л. Вяткина «Вакуфный документ Ишратхана» издан посмертно²⁴. Автор подготовил критический текст, факсимиле, перевод на русский язык и обширные комментарии одного из древнейших вакуфных документов Средней Азии (1464 г.). К сожалению, хотя в редакционном примечании на стр. 111 сказано, что эта работа публикуется полностью, на самом деле в ней не хватает двух существенных частей: во-первых, нет критического текста, который был составлен В. Л. Вяткиным и передан им на хранение в одно из научных учреждений Ташкента, во-вторых, отсутствует перевод первых десяти строк оригинала. Они содержат арабскую инвокацию и были переведены на русский язык А. Э. Шмидтом.

Одно из крупнейших археологических открытий В. Л. Вяткина — обнаружение обсерватории Улугбека сделано в результате изучения актов. Упоминание обсерватории (расад) В. Л. Вяткин встретил в вакуфной грамоте потомков Ходжи Ахрара 1546 г., которая хранится ныне в Институте востоковедения АН УзССР (фонд вакфнаме, инв. № 9).

В строках 48—53 этого документа описываются границы одного из вакуфных имений:

¹⁹ К исторической географии Ташкентского района...

²⁰ См. приложения в кн.: «Труды Среднеазиатского государственного университета», Новая серия, вып. 61, Гуманитарные науки, кн. 6, Ташкент, 1953.

²¹ В. Л. Вяткин. О вакуфах Самаркандской области, Справочная книжка Самаркандской области, вып. X, Самарканд, 1912, стр. 95—107.

²² З. Л. Амитин-Шапиро. Очерк правового быта среднеазиатских евреев, Ташкент — Самарканд, 1931, стр. 41 и 48—50.

²³ См. «Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина», Новая серия, вып. 172, Исторические науки, кн. 37, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 127.

²⁴ Мавзолей Ишратхана, монографический сборник под ред. М. Е. Массона, Ташкент, 1958, стр. 109—136.

«В том числе обращены в вакф целиком и полностью постройки и насаждения, находящиеся в огороженной усадьбе рабата. Там имеются три жилых помещения, загоны для ослов и верблюдов, мельница с четырьмя поставами, снабженная оборудованием из камня, железа и дерева, с желобом, колесом, решетом и кругом, приводимыми в движение водой канал Накшиджахан в районе обсерватории, рядом с мостом Мирзы.

Восточная граница усадьбы рабата идет вдоль земли Иабиси до бумажной толчей и с этой стороны в усадьбу входит вода: северная граница ее смежна с бахчой, обсаженной ивами, которая входит в этот вакф. Западная граница примыкает к дороге общего пользования и там выход воды, а южная граница смежна с общей улицей и с нее вход в усадьбу рабата.

Еще дан в вакф целиком и полностью один участок бахчи с деревьями ивы и тополя, находящийся по соседству с вышеупомянутым рабатом. Восточная и северная границы ее проходят по крутому обрыву Кухака; западная граница ее смежна с дорогой и с нее вход на бахчу. А южная граница смежна с вышеуказанным рабатом».

Содержащиеся здесь указания на то, что обсерватория находилась в районе канала Накшиджахан и моста «Пул-и Мирза», а с другой стороны, неподалеку от крутого обрыва (джар) к реке Кухак (Зарафшан), позволили В. Л. Вяткину правильно определить место для раскопок, и он был вознагражден блестящим успехом. Таким образом, благодаря изучению вакуфной грамоты был открыт замечательный памятник культуры Узбекистана, обсерватория Улугбека, где в XV в. проводились астрономические наблюдения, точность которых поразила ученых всего мира.

Труды В. В. Бартольда и В. Л. Вяткина по изучению среднеазиатских актов сыграли важную роль в период, когда источники этого типа были еще очень мало известны и их научное значение понималось далеко не всеми. В то время нужно было проявить большую научную проницательность и дальновидность, чтобы посвятить свое время исследованиям в столь непроторенной области.

Ныне изучением среднеазиатских актов занимаются десятки ученых. В республиканских Академиях наук созданы специальные сектора для исследования и публикации актов. И естественно, что ни один ученый не проходит мимо исследований В. В. Бартольда и В. Л. Вяткина.

О. Д. Чехович

В. В. БАРТОЛЬД ВА В. Л. ВЯТКИН — УРТА ОСИЁ ҲУЖЖАТЛАРИ
ТАДҚИҚОТЧИЛАРИ

Мақолада В. В. Бартольд ва В. Л. Вяткиннинг Урта Осие тарихига оид қимматбаҳо манба бўлиб хизмат қилувчи вакф ҳужжатлари ва бошқа ҳужжатларни тадқиқ этишга қўшган улкан ҳиссаси ҳақида гапирилган.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

НЕОКОНЧЕННЫЙ ТРУД В. В. БАРТОЛЬДА

Последние годы жизни В. В. Бартольда, несмотря на пошатнувшееся здоровье ученого и тяжело перенесенную им смерть жены (1928), были периодом весьма плодотворной исследовательской, научно-общественной и педагогической деятельности.

При всей своей загруженности В. В. Бартольд в течение трех лет (с августа 1927 г. по конец июня 1930 г.) около 200 раз посетил рукописный отдел Государственной публичной библиотеки в Ленинграде и за это время исследовал свыше 500 арабских, персидских и тюркоязычных рукописей.

Рукописные материалы, переданные в январе 1933 г. из Архива АН СССР в Публичную библиотеку, показывают, что целью систематических занятий В. В. Бартольда в библиотеке было составление сводного каталога рукописей из неописанных фондов, прежде всего — арабского («Новая серия») и персидского («Новая серия»), сложившихся со второй половины XIX в.

Подавляющее большинство рукописей этих фондов было тогда неизвестно науке. Оставались неразобранными и пачки фрагментов из арабских рукописей двух собраний А. С. Фирковича. Крайне бедно и не всегда верно было описана замечательная рукописная коллекция Н. В. Ханькова.

Переданные библиотеке архивные материалы В. В. Бартольда составляют три единицы хранения: папку № 228, содержащую набело переписанные автором результаты работы; папку № 228а, содержащую черновые экземпляры тех же материалов, и папку № 229, содержащую черновые материалы, которые ученый не успел переписать набело.

Как белой, так и черновые экземпляры содержат важнейшие сведения об исследованных В. В. Бартольдом рукописях. Эти сведения, которые мы в дальнейшем будем условно называть описаниями (хотя фактически это материалы для описания) имеют нумерацию В. В. Бартольда, причем единицы нумерации служат том рукописи. Если рукопись представляет собой сборник, то отдельные сочинения описаны в порядке их следования в рукописи под общим номером описания и имеют вспомогательную

буквенную нумерацию. Номера описания выделены подчеркиванием.

В белой рукописи В. В. Бартольда (под заголовком «Результаты работы») имеется 187 согнутых листов и один отдельный полулист, а всего 375 полулистов писчей льняной бумаги, исписанных мелким почерком, чернилами, с одной стороны.

Черновые экземпляры представляют разрозненные листы разного формата, исписанные с обеих сторон карандашом, белым, неразборчивым почерком. Листы черновых экземпляров были пронумерованы позднее, видимо, сотрудником библиотеки, причем в папке № 229 пагинация дана не по порядку.

Описания не одинаковы по своему объему — от двух-трех строк до пяти страниц — и носят характер набросков; они состоят из отдельных лаконичных заметок, сопровождаемых выписками из рукописей, и изобилуют общепринятыми и авторскими сокращениями.

Дошедший до нас труд отражает лишь первый, но основной этап работы — подготовку фактологической основы будущего каталога. При этом была решена наиболее сложная задача — определение названий сочинений и их авторов. Трудность этой проблемы, как известно, заключается в том, что некоторые рукописи не имеют заглавий или неверно озаглавлены читателями, а в авторских предисловиях не всегда содержится необходимые сведения.

Обязательными компонентами описаний В. В. Бартольда на этой стадии работы были: шифр рукописи, название сочинения (арабским шрифтом), имя автора (в русской передаче), сведения о сохранности рукописи, дата списка, отметка (для арабских рукописей) об отсутствии упоминания сочинения в справочно-библиографической «Истории арабской литературы» К. Брокельмана. Зачастую указаны: количество листов, начало и конец сочинения (с разной подробностью, иногда до 10 строк), ссылки на «Отчеты» Публичной библиотеки и некоторые каталоги рукописей, наличие в рукописи иллюстративного

материала и краткие сведения по тематике сочинения.

Изредка отмечается характер пагинации, говорится о композиции сочинения, приводятся перечни глав и некоторые сведения об истории рукописи. Только в последних описаниях, начиная с № 408 (по нумерации В. В. Бартольда), систематически указывается формат рукописи.

Описания расположены вне тематической последовательности; сначала (в основном) следуют описания арабских рукописей, среди которых есть несколько персидских и тюркоязычных, а затем (с № 395) — сплошь персидские.

Как беловая, так и черновые рукописи содержат указания автора на даты его занятий. Судя по ним, ученый начал работу 4 августа 1927 г.¹ Последняя дата, указанная в белой рукописи, — 9 июня 1930 г. Однако в черновиках нами обнаружены даты 16, 18, 21, 26 и 29 июня 1930 г.² Следовательно, последним днем работы В. В. Бартольда над описанием восточных рукописей Публичной библиотеки можно считать 29 июня 1930 г. Меньше чем через 2 месяца, 19 августа 1930 г., В. В. Бартольд скончался, не успев закончить начатый им труд.

В. В. Бартольд занимался описанием рукописей исключительно регулярно, как правило, два раза в неделю, по понедельникам и четвергам. В среднем за одно занятие он описывал 2—3 рукописи; обработка больших сборников растягивалась на 2—3 занятия.

Всего В. В. Бартольд, как уже указывалось, описал около 500—510 рукописей. Точную цифру назвать трудно, ибо отдельные рукописи ошибочно описаны дважды³, в беломом списке значатся не все описанные рукописи, а черновики еще недостаточно изучены.

По фондам описанные рукописи распределяются следующим образом:

арабские («Новая серия») — 286 рукописей (85% всех рукописей, имевшихся в этом фонде во время работы В. В. Бартольда);

собрание Ханыхова — 42;

собрание Фирковича — 30 ед. хр.;

персидско-таджикские («Перс. новая серия») — около 135 рукописей;

тюркоязычные («Турк. новая серия») — 7.

Всего в беломом экземпляре значится 501 номер описаний; в черновых экземплярах нумерации описаний нет, но в папке

№ 228а содержится составленный В. В. Бартольдом конкорданс шифров рукописей и номеров описаний⁴, в котором нумерация продолжена до 508 номера; причем под № 502 обозначено описание рукописи Перс. Н. С. (персидская «Новая серия») 64; № 503—Перс. Н. С. 65; № 504—Перс. Н. С. 32; № 505—Перс. Н. С. 31; № 506—Перс. Н. С. 196; № 507—Перс. Н. С. 84 и № 508—Перс. Н. С. 174. Описания их имеют только в черновике⁵, как и описания рукописей Перс. Н. С. 195, 236, 237, 205, 89, 90, 117, 27, 75, 110, 160, 291 (перечень дан в порядке описания), которые В. В. Бартольд не успел даже отметить в конкордансе⁶.

В заключение отметим, что в работе В. В. Бартольда наряду с материалами к каталогу рукописей иногда встречаются и выписки, предназначенные для новых исследований ученого.

Так, мы находим здесь выписки из «Тазкире» Туси о легендарной морской экспедиции Александра Македонского⁷ и о морях, не связанных с океаном⁸; полную выписку хадиса (мусульманского предания) о благосостоянии общины⁹; подробные биографические выписки из «Раудат ал-ахбаб» Джамала ал-Хусейна об Алишере Навои и других деятелях культуры¹⁰; конспективную выписку из персидского исторического сочинения XIX в., содержащую упоминание об А. С. Грибоедове¹¹; сведения об исмаилитах в Хорасане из «Истории» Хайдара¹² и др. Ученый часто прибегал к сравнению текста рукописей с изданиями¹³, сопоставлял сведения различных авторов¹⁴, делал поправки к своду К. Брокельмана¹⁵.

Неоконченный труд В. В. Бартольда представляет большую научную ценность, и долг ученых нашего поколения — продолжить и завершить эту работу, которой В. В. Бартольд посвятил последние годы и дни своей жизни.

П. Г. Булгаков

⁴ Папка № 228а, л. 1—2.

⁵ В частности, описание рукописи Перс. Н. С. 64 см. в папке № 229, л. 49; Перс. Н. С. 31 и 32 — там же, л. 65.

⁶ В частности, описания рукописей Перс. Н. С. 195, 236 и 237 с датой 21. VI 1930 г. см. в папке № 229, л. 55; Перс. Н. С. 205 — там же, л. 56; Перс. Н. С. 27 и 117 — там же, л. 62; Перс. Н. С. 160 — там же, л. 50; Перс. Н. С. 89 и 90 с датой 29. VI 1930 г. — там же, л. 60.

⁷ Папка № 228, л. 132.

⁸ Там же, л. 133.

⁹ Там же, л. 80.

¹⁰ Там же, л. 246—247.

¹¹ Там же, л. 245.

¹² Там же, л. 248—249.

¹³ Напр., там же, л. 63.

¹⁴ Напр., там же, л. 165.

¹⁵ Напр., там же, л. 145.

¹ Папка № 228, л. 1.

² Папка № 229, л. 59.

³ Рукопись Ар. Н. С. (т. е. арабская «Новая серия») 314 дважды описана под номером описаний 122 и 208; Ар. Н. С. 282 — №№ 271 и 301; Ар. Н. С. 283 — №№ 272 и 302 и т. д.

В. В. БАРТОЛЬД О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В ТУРКЕСТАНЕ

Переселенческая политика царизма находилась в тесной связи с общей политической самодержавия и буржуазии в отношении колониальных окраин. Правильное понимание сути переселенческой политики и ее последствий возможно лишь на базе марксистско-ленинского анализа данного вопроса. Но не следует забывать и тех ученых, которые, не владея марксистской методологией, сумели на основе тщательного изучения конкретных материалов сделать в целом правильные наблюдения и объективные выводы по некоторым аспектам этой проблемы.

К таким ученым относится и акад. В. В. Бартольд. Он признавал, что само «освоение» Туркестана есть прямой результат завоевания края царизмом, последствием чего явилась и политика насильственного захвата земель коренного населения.

Однако Бартольд видел и черты того объективно прогрессивного, нового, что вошло в хозяйственную и культурную жизнь населения Средней Азии в связи с возникновением здесь поселений русского крестьянства.

Одним из средств укрепления своей власти в Туркестане царское правительство считало создание казачьих поселений. Закон 1910 г. предусматривал изъятие земель у местного населения и основание на этих землях поселков. Особенно широкой экспроприации подвергались пастбищные угодья кочевого населения. При этом, как отмечал В. В. Бартольд, «были нарушены земельные права киргизов (казахов—А. Г.), что вызывало их сопротивление»¹.

Бартольд указывал, что «благополучие казачьих селений было основано на высокой норме земельных наделов, большую часть своих земель они сдавали в аренду киргизам и русским, плата за аренду давала им вполне достаточные средства к жизни; положение собственников земли, нужных киргизам, давало им возможность притеснять туземное население»².

Анализируя заселение Туркестана крестьянами из центральных районов России, В. В. Бартольд пришел к выводу, что процесс этот в различных областях края развивался неравномерно. Прежде всего заселялись неорошаемые земли. Например, в Кокандском уезде, самом многолюдном и наиболее орошаемом районе Ферганы, русских поселений не было. Царское правительство и буржуазия боялись, что захват у коренного населения орошаемых земель приведет к сокращению производства хлоп-

ка. Вот почему русские поселки в Ферганской области насчитывали лишь 10 тысяч жителей, или менее 0,5% населения области³.

В. В. Бартольд отмечал, что крестьяне-переселенцы представляли собой социально неоднородную массу. Из переселившихся в Туркестан до 1906 г. крестьян более половины имели у себя на родине не менее 5 десятин земли, а среди прибывших после 1906 г. таких крестьян было лишь 36%⁴. Стремление водворить на новые земли как можно большее число крестьян вело к тому, что многие участки раздавались и безземельным, хотя царизм стремился насадить здесь прежде всего кулачество как свою социальную опору.

Резкая дифференциация была характерной чертой русской деревни, и в этом отношении переселенческая деревня Туркестана мало чем отличалась от общероссийской. Разорившаяся сельская беднота пополнила ряды пролетариата. Газета «Русский Туркестан» писала в 1906 г.: «Массы безземельных голодных крестьян, являясь в города, составляли там кадры случайного пролетариата, который с голоду соглашается на самые тяжелые условия и этим понижает цены на рабочую силу постоянных рабочих»⁵.

Сельская беднота вынуждена была искать побочные заработки. Так, в статистико-экономическом очерке В. Ф. Караваева «Голодная степь в ее прошлом и настоящем», получившем объективный отзыв В. В. Бартольда⁶, отмечалось, что только в обследованных хозяйствах Голодной степи на ирригационных работах было занято 159 человек, а по найму у зажиточных крестьян — 122 человека.

В работах В. В. Бартольда мы находим ряд высказываний о последствиях переселенческой политики. «Изменение строя жизни в Туркестане, — писал он, — было тесно связано с переселенческим движением из Европейской России...»⁷ Вместе с тем он отмечал, что местное коренное население воспользовалось расширением площади орошаемых земель «только в слабой степени, так как вновь орошаемая земля предназначается исключительно для русских переселенцев»⁸.

³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 332.

⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-18, оп. 2, д. 118, л. 15.

⁵ Русский Туркестан, 3 июля 1906 г.

⁶ В. В. Бартольд (реп.). В. Ф. Караваев, Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Статистико-экономический очерк (по исследованию 1914 г.). Сочинения, т. III, М., 1963, стр. 301—306.

⁷ Там же, стр. 304.

⁸ Там же, стр. 319.

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Русское переселенческое движение, Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 319.

² Там же, стр. 221.

Колонизация края привела к дальнейшему усилению эксплуатации трудового населения Туркестана, причем кулачество вместе с байством закабалало как коренное крестьянство, так и беднейшую часть русских переселенцев.

В то же время переселение части русского крестьянства в Туркестанский край имело и объективно прогрессивные последствия. Русские крестьяне оказали на сельское население края культурное влияние. Правда, как писал В. В. Бартольд, «культурному влиянию русских крестьян могли подвергнуться преимущественно кочевники, находившиеся в стадии перехода к оседлости»⁹.

Но здесь же он приводит и факты положительного влияния русского крестьянства на оседлое население. Так, В. В. Бартольд констатирует появление в хозяйствах коренных жителей посевов сахарной свеклы, картофеля, овса, постепенное распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий (плуг, жейка «литовка»,

веська и др.), появление промышленного виноделия и плодоводства¹⁰.

В свою очередь, русские крестьяне-переселенцы восприняли много полезного от коренного населения края. Ранее они совершенно не были знакомы с поливным хозяйством, и местные деханы оказали большую помощь переселенцам в освоении навыков ведения поливного земледелия и выращивания хлопчатника, а также других поливных культур. Если в 1909 г. в Голодной степи сеяли хлопчатник 9,2% хозяйств русских переселенцев, то в 1910 г. — 38,4, а в 1911 г. — 58%¹¹.

Вопреки колонизаторской политике царизма, между трудовыми слоями переселенческого и коренного населения складывались и развивались дружественные отношения, шел процесс хозяйственного и культурного сближения и сплочения трудящихся различных национальностей в совместной борьбе против гнета общих эксплуататоров.

А. И. Гинзбург

⁹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, стр. 332.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-16, оп. 1, д. 341, л. 9.

В. В. БАРТОЛЬД ОБ ОСВОЕНИИ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

В своих трудах по истории экономической жизни Туркестана В. В. Бартольд касается и вопроса об освоении Голодной степи, которая уже в дореволюционный период рассматривалась как перспективный район развития орошаемого земледелия, прежде всего хлопководства. В. В. Бартольд отмечает, в частности, проведение в Голодной степи Романовского канала, открытого в 1913 г.¹ По проекту намечалось оросить 45 тыс. десятин в северо-восточной части Голодной степи. «Но из этого канала, — пишет В. В. Бартольд, — получали воду всего 8415,8 десятины»². В районе его действия к началу XX в. насчитывалось 11 русских поселков, однако четыре из них не имели орошаемых наделов.

«Относительно хлопководства, — отмечает В. В. Бартольд, — первоначально возлагали особые надежды на Сретенский поселок в Дальерзинской степи, в котором видели «поразительный пример быстрого развития экономических сил»: в первые годы существования этого селения было отведено до 600 десятин»³. Русские переселенцы получали на этих землях неплохие урожаи. Но посевы часто погибали от налетов саранчи, а впоследствии их пришлось вовсе прекратить из-за неправильной эксплуатации земель, приведшей к их засолению и заболачиванию.

Из голодностепских поселков только в Спасском и Духовском большая часть земель была отведена под хлопчатник. В. В. Бартольд приводит сведения В. И. Юферева о том, что в поселке Спасском (с присоединившимся к нему выселком Духовским) под хлопчатник было отведено 1100 десятин из 1839, а в поселке Велико-Алексеевском — 975 из 1248⁴. Всего к 1914 г. русскими поселенцами в Голодной степи было освоено под хлопчатник 4960 десятин⁵. Орошенные за 30 лет земли Голодной степи обеспечили прирост площади посевов хлопчатника в Туркестане примерно лишь на 1%⁶. Таким образом, надежды на превращение Голодной степи в новый крупный район хлопководства в дореволюционные годы не оправдались.

В своей работе «К истории орошения Туркестана»⁷ В. В. Бартольд касается и орошения Голодной степи. Вопреки распространенным в литературе и периодической печати того времени версиям о широком развитии в древности орошаемого земледелия в районе между Чиназом и Джизаком, В. В. Бартольд писал, что «пространство между Чиназом и Джизаком было степью и в домусульманское время», и в последующий период⁸.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Сырдарьинской области (ГАСО), ф. 83, оп. 1, д. 60, л. 156.

⁶ Там же, л. 158.

⁷ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965.

⁸ Там же, стр. 217.

¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 328.

² Там же.

³ Там же.

Об этом же говорит он и в рецензии на книгу В. Ф. Караваева⁹. Последний тоже считал преувеличенными представления о некогда широкой сети ирригации в Голодной степи, полагая, что рассказы местных жителей «являются в высшей степени смутными и даже географически неверными»¹⁰. Однако, как отмечает В. В. Бартольд, В. Ф. Караваев в своей книге не проявил подлинно научного отношения к данному вопросу, одинаково важному для науки и для жизни. Он пишет, что, по мнению В. Ф. Караваева, уже барон Аминнов, производивший изыскания в 1863—1870 гг., «окончательно установил» факт существования не только в северо-восточной, но и в средней части Голодной степи остатков «зброшенных ирригационных систем и древних оседлостей». Между тем, по словам В. Ф. Караваева, в средней части степи теперь нет никаких следов старых поселений. Тем более следовало бы, указывает В. В. Бартольд, привести сведения о таких следах, существовавших в 1870 г., не ограничиваясь ссылкой на газетную статью. В северо-восточной части степи, продолжает В. В. Бартольд, упоминается урочище Урумбай на древнем канале того же имени. Это урочище причисляется к «пунктам по Сыр-Дарье», где встречаются «развалины прежних поселений», однако никакого опи-

сания развалин В. Ф. Караваев не дает¹¹. В. В. Бартольд критикует Караваева за неправильную трактовку данных относительно проведения воды из речки Джиллап-Уты (Санзар) в одном из районов Голодной степи¹².

Отмечая, что Караваев подробно и правдиво описал удачные попытки орошения Голодной степи после присоединения ее к России, В. В. Бартольд справедливо упрекает его за то, что он умалчивает о больших убытках, которые понесло местное население от неудачных попыток освоения этого района¹³. «Население испытывало от этих работ те же тяготы, как в ханские времена (труд над сооружением каналов оставался, как при ханах, принудительным и беслатным), и в то же время не видело от них той пользы, как население Ферганы от грандиозных каналов, проведенных кокашскими ханами. Едва ли поэтому оросительные работы 70-х и 80-х годов могли поднять престиж русской власти»¹⁴.

Работы В. В. Бартольда об орошении Туркестана, в частности Голодной степи, представляют большой интерес для исследователей истории ирригации края и свидетельствуют о внимании ученого к этой жизненно важной проблеме.

Г. А. Михалева

⁹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, стр. 301.

¹⁰ В. Ф. Караваев. Голодная степь в ее прошлом и настоящем, Пг., 1914, стр. 15.

¹¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, стр. 302.

¹² Там же, стр. 303.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 303—304.

ИЗ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ В СОВЕТСКОМ ТУРКЕСТАНЕ

В. В. Бартольд уделял много внимания истории орошения Средней Азии. В его труде «К истории орошения Туркестана» обобщены «все доступные ко времени его написания сведения по вопросам орошения всей Средней Азии в древности и средние века»¹. В своих исследованиях В. В. Бартольд затронул и вопросы орошения Голодной степи после присоединения края к России. Так, в его работе «История культурной жизни Туркестана» говорится о попытках орошения Голодной степи в конце XIX в., причем отмечается «целый ряд неудачных попыток провести новые каналы, причинивших огромный вред населению. Главные из этих проектов касались орошения Голодной степи и исходили из ошибочного предположения, будто эта степь когда-то была прорезана каналом и имела густое население»².

Переходя к описанию ирригационно-строительных работ в Голодной степи в начале XX в., В. В. Бартольд указывает на довольно скромные результаты этих работ³. Иначе и не могло быть. В условиях царского самодержавия, общей отсталости дореволюционной России и тем более ее колониальной окраины — Туркестана не было реальных возможностей для орошения и освоения обширных земельных массивов Голодной степи.

«Многие миллионы десятин и в Туркестане, — писал В. И. Ленин, — и во многих других местах России «ожидают» не только орошения и всякого рода мелиораций, они «ожидают» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве»⁴.

Только победа Великого Октября позволила приступить к осуществлению широких

¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 8.

² В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 326.

³ Там же, стр. 328—329.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 230.

мероприятий по освоению новых земель, в том числе в Голодной степи. Разрешение ирригационных работ в Советском Туркестане было неразрывно связано с именем Ленина. Уже в феврале 1918 г. правительством РСФСР создано по инициативе В. И. Ленина специальную комиссию для изучения вопросов, связанных с ирригацией в Туркестане (Иртур)⁵.

17 мая 1918 г. В. И. Ленин подписал Декрет «Об ассигновании 50 млн. руб. на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ»⁶. Декретом предусматривалось орошение 500 тыс. десятин земель в Голодной степи.

Еще в январе 1918 г. был образован Технический ирригационный комитет для общего руководства делом ирригации в Туркестане. Тогда же были созданы местные комитеты и советы по орошению. Совнарком Туркестанской Республики приказом от 17 июня 1918 г. образовал Управление водного хозяйства. В августе 1919 г. было утверждено Положение о центральном Управлении водного хозяйства, его областных и местных органах⁷.

К этому времени ирригационная система Голодной степи находилась в тяжелом положении. Незавершенность оросительных сооружений и хищническое использование орошаемых земель в первые годы их эксплуатации, а также сокращение ремонтно-очистительных работ в условиях общей хозяйственной разрухи вызвали заболочивание и засоление почвы.

Весной 1918 г. в Голодной степи началось наделение земель демобилизованных солдат и безземельных крестьян. Расширение посевных площадей увеличило потребность в поливной воде. Между тем пропускная способность магистрального канала и его ветвей уменьшилась в связи с сокращением ремонтно-очистительных работ.

В мае 1918 г. Технический ирригационный комитет Управления водного хозяйства Туркестанской Республики постановил отпустить 150 тыс. руб. для поддержки и улучшения пропускной способности магистрального канала⁸. В ремонте и очистке оросительной сети активно участвовало само население. Большая работа велась и по ликвидации очагов малярии, получившей широкое распространение в связи с заболоченностью многих участков степи.

Созданные в Голодной степи весной 1918 г. советские земельно-водные органы принимали меры к упорядочению водопользования. 12 мая 1918 г. организационный

съезд Советов Голодностепского уезда оповестил все поселки Голодной степи о недопустимости распределения воды без ведома ирригационного отдела Совлеса и администрации оросительной системы⁹. 17 мая того же года вновь избранный исполком Голодностепского Совета постановил: 1) обязать волостные Советы прекратить самовольные действия, нарушающие организацию водопользования, 2) организовать народно-водный контроль за правильным распределением воды.

Эти первые мероприятия Советской власти в Голодной степи в определенной степени приостановили дальнейшее разрушение ирригационной сети и способствовали улучшению водопользования, благодаря чему оросительная кампания 1918 г., как отмечалось в годовом отчете Управления Голодностепской системы, закончилась благополучно¹⁰.

В 1919 г. правительство ТАССР, несмотря на тяжелые условия гражданской войны, ассигновало крупную сумму на ирригационные работы в Голодной степи. Так, ТуркЦИК постановлением от 12 февраля 1919 г. отпустил на восстановление Голодностепской оросительной системы свыше 8679 тыс. руб.¹¹ Эти средства были израсходованы на очистку и ремонт каналов и распределительной сети, восстановление водных сооружений, а также строительство новой плотины на левой ветви магистральной сети для поселков Лыкошинского, Вознесенского, Новорождественского и др. Всего было выполнено свыше 21 тыс. куб. саженей земляных работ¹².

Крупные средства были выделены на улучшение оросительной системы и в 1920 г. Заседание Технического ирригационного комитета от 16 апреля 1920 г. утвердило смету расходов на оздоровление 3 тыс. десятин заболоченных земель в Голодной степи в размере 7 188 890 руб. Комитет принимал меры и к борьбе с малярией — создавал противомаларийные отряды, руководил ликвидацией очагов малярии и т. д.¹³

Большую помощь в орошении и освоении Голодной степи оказывало Центральное Советское правительство. 13 мая 1920 г. В. И. Ленин подписал постановление СНК РСФСР об отпуске 256 млн. руб. для ремонта и переустройства Голодностепской оросительной системы¹⁴.

Летом 1920 г. из Москвы в Ташкент прибыло 50 вагонов различного инвентаря и

⁵ Р. Х. Аминова. *Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.)*. Ташкент, 1963, стр. 306.

⁶ В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане. Ташкент, 1957, стр. 73.

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 1037, л. 21.

⁸ Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 838, л. 243.

⁹ Там же, ф. Р-25, оп. 1, д. 53, л. 4—5.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 934, л. 146.

¹¹ Там же, ф. Р-25, оп. 1, д. 52, л. 73.

¹² Там же, ф. Р-215, оп. 1, д. 22, л. 23—24.

¹³ Там же, ф. Р-29, оп. 3, д. 1616, л. 180, 257.

¹⁴ См. об этом «Вопросы истории КПСС», 1961, № 4, стр. 7.

тими городами и странами, добивались освобождения от уплаты подобных сборов.

В сборнике «Письма. Акты» имеется несколько копий и образцов грамот (нишанов), составленных в пользу отдельных купцов (тудджарон и соудагарон). Оригиналы этих грамот предназначались для освобождения отдельных купцов, ведущих торговые операции в разных областях страны (или за ее пределами), от взимания податей и повинностей.

Подобные грамоты назывались тарханскими. В отличие от тарханских грамот, выдававшихся феодалам-землеладельцам, они освобождали купца не от поземельной подати, а от дорожных и торговых пошлин, причем число уступленных ему сборов зависело от степени богатства и близости купца к государю, выдавшему эту грамоту.

Одна из таких тарханских грамот предоставляет торговцам (соудагаронам) льготы от уплаты баджа, харджа, ихраджата, тамги, закята, соугата (обязанность преподнести гостиницу, привозимый из путешествия), саломоне (подношение), пишкаша (обязанность делать подарок), доругони (сбор в пользу даруги), хедматоне (дань за прислуживание)¹⁴.

Другой нишан, выданный паломникам, направлявшимся в Мекку, освобождал владельцев грамот от взимания податей (бадж, хардж, тамга, закят) и от выполнения повинности улаг (не только ими, но и их нукерами)¹⁵. Как видно, эта грамота предоставляла гораздо меньше льгот, чем предыдущий нишан.

Определенный интерес вызывает тарханская грамота, освобождавшая ее владельца—купца, называемого «ходжой», от уплаты в пользу казны следующих сборов: бадж, хардж, закят, тамга, соугат, салами, пишкаш, киштибони и рахдори¹⁶. Грамота предусматривала также освобождение этого купца от взимания «чего-либо» за то, что сборщики дорожной пошлины (рахдор) и сборщики пошлины за проезд через реки (киштибон) пожелажи ему счастливого пути («саламати рох гуян»).

Согласно нишану, сборщикам закята и тамгачиям запрещалось открывать товары данного купца и требовать с него плату за «неизвестный» груз. Более того, государь посылал чиновникам оказывать действительное ходже «в опасных местах», что вместе с перечисленными выше льготами подчеркивает особо привилегированное положение данного лица и позволяет предположить, что речь идет о купце, торговавшем и товарами верховного правителя, от имени которого была выдана грамота. Вероятно, по этой причине ходже предоставлялась возможность производить торговые опера-

ции на льготных условиях во всех областях государства («дар мамолик-и махрусе харджо харид ва фурухт намояд») ¹⁷. Как известно, торговля ханскими товарами пошлинами не облагалась¹⁸.

В податных списках, приводимых в рассмотренных нами грамотах, термин тамга не ставится на первое место. Он упоминается рядом с другим известным сбором с имущества—закятом, что говорит об одновременном использовании этих двух чалоговых терминов в XV—XVI вв., хотя из контекста не ясно, чем они отличались друг от друга. В цитированных нишанах (из сборника документов) и в «Абдулла-наме» тамга упоминается лишь как один из многих сборов с торговли и ставится рядом с другими пошлинами, каждая из которых имела конкретное значение. В этом отношении прав В. В. Бартольд говорит, что тамга была не столько связана с понятием «о дороге и дорожной пошлине, сколько с городскими сборами»¹⁹. Из других же контекстов («Бабур-наме») выясняется, что термин тамга мог включать и сборы в городах и селениях, на дорогах, путях, переправах и плотинах, т. е. здесь тамга служит собирательным обозначением для ряда обложений на торговцев.

Судя по рассмотренным грамотам, с транзитных товаров купцов, не имеющих тарханских и других иммунитетных грамот, взимались следующие сборы: бадж, хардж, тамга, закят, ихраджат, саломане (саломати), соугат, пишкаш, доругони, хедматоне, рахдори, киштибони, сборы за посещение счастливого пути и другие мелкие сборы, связанные с местными обычаями и обстоятельствами.

Послы государя (ильчи), его сокольные (кушчи), глашатаи (таваджи), как и многие другие государственные чиновники, могли на торговых трактах избирать у купцов выючных животных и использовать их для административных дел, ссылаясь на то, что купцы обязаны выполнять повинность улаг. Отсюда можно установить, что улаг был обязательным не только для земледельцев и простых горожан, как это принято считать в литературе, но и для торговцев, лишь отдельных, привилегированных представителей которых удавалось освободить от этой повинности. Неправильно было бы считать, что улаг обязанности были выполнять только те, на кого он непосредственно возлагался. Выючные животные тех лиц, которые не имели удостоверения на освобождение от улага, могли быть отобраны в пути чиновниками под видом использования их в интересах государя.

¹⁷ Там же.

¹⁸ М. Ю. Юлдашев, К истории торговых и вассальных связей Средней Азии с Россией в XV—XVII вв., Ташкент, 1964, стр. 77.

¹⁹ В. В. Бартольд, Персидская надпись..., стр. 332.

¹⁴ Письма. Акты, л. 776.

¹⁵ Там же, л. 120а.

¹⁶ Там же, л. 171а.

Судя по данным одного из приведенных выше низанов, сборщики пошлин обычно осматривали содержание транзитных грузов и проверяли их. При этом за «неизвестный» товар полагалось платить особый сбор. Таможенники могли задерживать купца и даже применить к нему физическое воздействие, что видно из указания тарханной грамоты — не задерживать ее владельца и пропускать его «здоровым и невредимым».

Цитированные низаны не датированы. П. П. Иванов относит их составление к периоду «начиная с султана Шахруха и кончая последними Шейбанидами, т. е. с начала XV до конца XVI вв.»²⁰ Территориально они относятся как к Хорасану (в основном Герату), так и к Мавераннахру. Рассматривая подобные документы, А. Н. Болдырев отметил, что принципы составления текста деловых документов в Герате и Средней Азии конца XV — начала XVI в. были одинаковы²¹. Тем не менее можно полагать, что рассмотренные выше тарханские грамоты были составлены в Герате, а не в Самарканде или Бухаре.

В период правления Шейбанидов тамга, отмененная при Тимуридах Абу-Саиде и Султан Ахмед-мирзе, видимо, не была официально восстановлена, хотя в действительности содержание данного термина и способ взимания тамги оставались прежними. Дальнейшие исследования первоисточников позволят, очевидно, прийти к более твердому убеждению в решении этого вопроса.

Из исторических сочинений XVI в. видно, что с торговли, ремесла; производственных помещений при Шейбанидах взимались различные сборы. Английский путешественник Антоний Дженкинсон, посетивший Среднюю Азию в 1558—1560 гг., сообщает, что бухарский хан содержался «главным образом за счет города: он взимает десятую тенгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами, что ведет к обеднению всего народа...»²²

В упомянутых низанах рядом с тамгой стоит и термин бадж. В. В. Бартольд ограничивается указанием, что это — «городская подать». При переводе упомянутого ярлыка он передает данный термин словом «пошлина»²³. Термин бадж в общем хорошо известен в литературе. Применительно к

Средней Азии периода феодальной раздробленности и усиления удельных правителей в государстве Шейбанидов отмечена практика взимания баджа с товаров купцов, перевозившихся из одной области в другую и даже в соседний город. Последнее видно из указа 987 (1579/80) г. х., изданного от имени Абулхайр-хана (Бабахана, сына Науруза Ахмед-хана). По этому указу сборщикам налога, возчикам, лодочникам, государственным чиновникам и тусковулам предписывалось не брать бадж с мутаваллия Саид-Али, направлявшегося из Ахсикента в соседний Андижан²⁴.

Надо полагать, что бадж, как и тамгу, должны были уплачивать не только купцы, но и ремесленники, а также крестьяне, привозившие в город продукты земледелия и скотоводства²⁵.

Данные письменных источников свидетельствуют, что государство контролировало местный рынок. Так, по одному из низанов, лица, привозившие из разных областей шелковую пряжу, должны были приносить ее на обозрение надзирателю цеха ткачей, ставленнику государя — Кемалиддину Зикрие²⁶, а после этого взвешивать шелк, причем только на весах надзирателя, за что полагалось платить «общий» сбор за весы. Отсюда видно, что цех был той организацией, через которую проводилась фискальная политика феодальных правителей, и что с шелка, привозимого в город (в данном случае, вероятно, в столицу государства), должен был уплачиваться сбор, размер которого зависел от общего веса товара. Поскольку сборы взимались сразу же после привоза шелковой пряжи, можно полагать, что уплата производилась натурой.

Таким образом, в государстве Шейбанидов бадж собирался с владельца товара при перевозке его из одной области в другую, из одного села или города в другой, при переправах через реки и т. д. Для XIX в. А. А. Семенов отметил, что «отсутствие определенных ставок баджа и взимание его в связи с чисто местными обстоятельствами и правилами вносили немалую путаницу в товарный вопрос, как транзитного порядка, так и внутреннего значения»²⁷.

²⁴ А. Жувономардиев. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир. Тошкент, 1965, стр. 59.

²⁵ Относительно Азербайджана и Армении XVI—XIX вв. это было отмечено И. П. Петрушевским. См. его «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв.», Л., 1949, стр. 294; его же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.—Л., 1960, стр. 387.

²⁶ Письма. Акты, л. 1166.

²⁷ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного устройства б. Бухарского ханства. Труды САГУ, сер. II, вып. I, Ташкент, 1929, стр. 51.

²⁰ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального земледелия в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1964, стр. 22.

²¹ А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, IV, М., 1947, стр. 45.

²² А. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. в кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1932, стр. 183.

²³ В. В. Бартольд. Персидская надпись..., стр. 318, 319, 333.

Интересно отметить, что в числе сборов с торговли в рассмотренных выше ишанах называется также пишкаш — формально добровольное, а фактически обязательное подношение (в виде денег, драгоценностей, рабов, коней, тканей, одежды, оружия и др.), которое обычно представлялось саловниками феодальному правителю²⁸. Из приведенных примеров видно, что пишкаш взимался и с торговых людей. Богатым и влиятельным купцам удавалось освобо-

²⁸ И. П. Петрушевский. Указ соч., стр. 281; Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков, М., 1965, стр. 96—97.

диться от пишкаша и других сборов, обязательных для основной массы торговцев.

Все сказанное свидетельствует о том, что феодальные правители и их чиновники постоянно вмешивались в торговлю и контролировали ее, устанавливали различные сборы и пошлины, тормозившие развитие внутренней и внешней торговли. Как отмечал В. В. Бартольд, отсутствие всяких гарантий от новых взъисаний с налогоплательщиков приводило к разорению стра-
пись... стр. 327.

Р. Г. Мукминова

²⁹ В. В. Бартольд. Персидская надпись... стр. 327.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХАРАДЖЕ


Вопрос о поземельном налоге харадже неоднократно рассматривался в трудах В. В. Бартольда¹, В. Л. Вяткина² и многих других исследователей.

Ряд дореволюционных и советских ученых занимались вопросом о размере хараджа. Так, Л. Н. Соболев³ и А. П. Хорошкин⁴ считали, что в Зарафшанской долине харадж составлял от 1/3 до 1/10 части урожая. А. Л. Кун для Шахрисабзского бекства определял размер хараджа от 1/3 до 1/4 урожая⁵. Б. Г. Гафуров полагает, что за пользование земель дехкане платили от 1/5 до 1/10 части урожая⁶. Б. И. Искандаров пишет, что фактически харадж взимался в размере 1/5—1/8 части урожая⁷. Н. А. Кисляков, суммируя материалы тад-

жикских исследователей, пришел к выводу, что в Каратегине и Дарвазе поземельный налог составлял 1/10 часть⁸. В Гиссарском бекстве харадж составлял 1/10 часть урожая с богарных земель и 1/5—с поливных⁹, в Кургантюбинском — 1/7 с поливных земель и 1/5—с богары¹⁰. О. Д. Чехович, проанализировав ряд источников, установила, что в Бухарском ханстве конца XIX—начала XX в. харадж достигал 40% урожая¹¹.

Таким образом, по данным различных ученых нормы хараджа колебались в пределах 10—40% урожая.

Для решения этого вопроса большой интерес представляют документы фонда кушбеги эмира бухарского. Здесь нами обнаружены пайгиры — выписки из налоговых дафтаров, или своеобразные исполнительные листы для взыскания основного поземельного налога — хараджа. Пайгиры заверялись печатью кушбеги. В рассматриваемых нами пайгирах (на обороте, внизу, справа) имеются оттиски именной печати Мулла Джам Мирза бия кул кушбеги с датой 1317 (1899—1900) г. х. Сверху на обороте, видимо в канцелярии кушбеги, делалась пометка «пайгир» и указывалась местность.

В пайгирах обозначены имена налогоплательщиков и сумма налога с определенных культур. Так, в заголовках некоторых пайгиров содержится слово 

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 133, 246, 248, 250, 262, 289; его же. События перед хивинским походом 1873 года, Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 407, 408, 410; его же. История орошения Туркестана, Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 187 и др.

² В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, Известия Среднеазиатского отдела Русского географического общества, т. XVIII, Ташкент, 1928, стр. 23.

³ Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, Записки имп. Русского географического общества (ЗИРГО) по отделению статистики, т. IV, СПб., 1874, стр. 374.

⁴ А. П. Хорошкин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 125.

⁵ А. Л. Кун. Очерки Шагрисебского бекства, ЗИРГО по этнографии, т. VI, 1888, стр. 230.

⁶ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, М., 1949, стр. 423.

⁷ Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. 2, Душанбе, 1963, стр. 58.

⁸ Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., М.—Л., 1962, стр. 103.

⁹ А. П. Подати и налоги в Восточной Бухаре, Туркестанские ведомости, 1906, № 6.

¹⁰ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство, Известия Русского географического общества, т. V, 1919—1923, вып. 2, стр. 63—64.

¹¹ О. Д. Чехович. О размере хараджа в Бухаре, Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 3, стр. 38—49.

дах-чахор, т. е. 4 из 10, что означает размер взимаемого налога — 40%. Интересно, что слово дах-чахор повторяется в трех пайгирах при определении суммы налога с различных культур. Например, в заголовке пайгира из местности Кипчак бухарского тумана Камат говорится: *اسجه حصه*

الخراج كندم موضع قيقاق ده چيار
«Для хараджа с пшеницы местности Кипчак — четыре десятых», а ниже — «Налог с гузы местности Кипчак — четыре десятых»¹². В другом пайгире читаем: «Налог с пшеницы местности Туркан — четыре десятых» и далее: «Доля хараджа с ячменя (местности) Туркан — четыре десятых»; «Доля хараджа с джугары указанной местности — четыре десятых»¹³.

В третьем пайгире также указывается: «Доля хараджа с пшеницы (местности) Розиги — четыре десятых»; «Доля хараджа с гузы (местности) Розиги — четыре десятых»¹⁴.

Кстати сказать, и в материалах из фонда дипломатического чиновника при канцелярии туркестанского генерал-губернатора также говорится, что «в окрестностях г. Старой Бухары с 10 батманов 4 батмана¹⁵ отбирают в пользу эмира»¹⁶.

Харадж в размере 4/10 доли урожая собирали не только с зерновых, но и с посевов люцерны. Так, в Кушикенте в качестве налога алаф-мали брали урожай 4 тапанов из 10 засеянных¹⁷.

На основе изучения пайгиров мы приходим к выводу, что в туманах Бухары налог собирали в размере 40% урожая. Столько же брали в Динауском и Шерабадском вилайетах, что видно из доносений местных правителей¹⁸.

Итак, анализируемые нами документы подтверждают мнение О. Д. Чехович о размерах хараджа в Бухаре.

Из пайгиров мы узнаем также, что ха-

¹² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 743, л. 148.

¹³ Там же, л. 162.

¹⁴ Там же, л. 151.

¹⁵ Батман (ман) — мера веса. В докладной записке Восточно-Бухарскому товариществу российского политическому агенту (1891 г.) 1 ман в Бухаре приравнивается к 8 пудам, в Шерабаде и Байсуе — 9 пудам 24 фунтам, в Гиссаре — 12 пудам и т. д. (ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 919, л. 17).

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 251, л. 112.

¹⁷ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 74, л. 23.

¹⁸ К. З. Мухсинова. К истории выступления бухарских крестьян против налогового гнета в конце XIX в., Проблемы востоковедения, М., 1959, № 1, стр. 99; е е же. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-х годах XIX в., Из истории Средней Азии (дореволюционный период), Сборник статей, Ташкент, 1965, стр. 16.

радж (мал) взимали с посевов как зерновых (пшеница, ячмень, джугара), так и хлопчатника, люцерны, бахчей, огородов и садов. В пайгирах встречаются выражения:

علف مالى حصه الخراج
علف و كاه مالى, *ماليت علف*¹⁹
Под общим заголовком о сборе хараджа читаем: *باغ مالى*; *غربوزه مالى*²⁰; *باغ مالى*²¹; *پياز مالى*²²; *چهار باغ مالى*²³; *سيزى مالى*²⁴

Отсюда видно, что алаф-мали, харбузамали (налог с бахчевых), баг-мали (налог с виноградников), харбаг-мали (налог с фруктовых деревьев), пиёз-мали, сабзи-мали (налоги с огородов) входили в состав основного поземельного налога хараджа.

Для обозначения основного налога наряду с термином харадж в пайгирах употреблялся и термин мал, причем, если в заголовках пайгиров приведен термин харадж, то в подзаголовках тех же документов при перечислении различных культур употребляется термин мал: гуза-мали, джав-мали, джугари-мали²⁵. Иногда термин мал (гандум-мали) встречается в заголовке, а харадж — в подзаголовках²⁶.

В документах имеются и следующие выражения: *حصه الخراج علف مالى*²⁷; *حصه الخراج كندوم مالى*²⁸. Очевидно, здесь термины мал и харадж употребляются как синонимы.

Как название поземельного налога встречается также термин муштбар (*مشت*)²⁹.

В том же архиве кушбеги³⁰ есть документы о сборе муштбара с населения туманов Камат, Каракул, Камин-Оби-Муслим, Пирмаст, Самджин, Шафрикам, Хатфар, Харканруд, Хайрабад и непосред-

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 743, л. 297.

²⁰ Там же, л. 59, 301.

²¹ Там же, л. 130, 172, 308, 311.

²² Там же, л. 171, 308, 311, 313.

²³ Там же, л. 2, 4, 5, 10, 11, 20, 40, 87, 171.

²⁴ Там же, л. 2—5, 8, 10, 12, 87.

²⁵ Там же, л. 66.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 148.

²⁸ Там же, л. 162.

²⁹ Там же, л. 108, 112, 135.

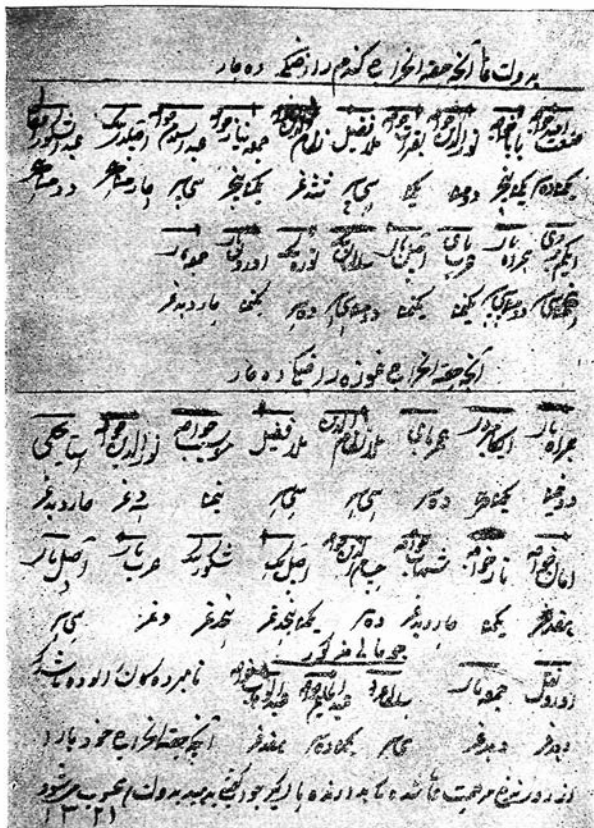
³⁰ Там же, л. 106, 164.

³¹ Не смешивать с горстевым сбором *مشتبیر* описанным А. А. Семеновым (Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929, стр. 35).

³² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 950, 951.

ственных окрестностей г. Бухары — Шема-
ли руд и Джануби руд.

11 до 80 тыс. танга²³, видимо в зависи-
мости от величины и доходности тумана.



Пайгир на право сбора хараджа в местности Розгани.

Сбором муштбара в этих местностях в конце XIX — начале XX в. ведали главным образом казни и рансы Бухары. В качестве муштбара они взимали довольно крупные суммы с урожая зерновых. Ежегодно из каждого тумана в казну отправлялось от

²³ Танга — бухарская серебряная монета, курс которой ко времени присоединения Бухары равнялся 20 коп. (ИГА УзССР, ф. 11-3, оп. 1, д. 140, л. 244), а с 1901 г. — 15 коп.

Муштбар собирали как осенью, так и весной.

Муштбар вносили в том же порядке, что и харадж. В обоих случаях к сбору налога приступали после получения «эмирской грамоты» (мубарек-наме) со справочными ценами на соответствующие сельскохозяйственные продукты. Муштбар также исчисляли натурой, затем количество собранного зерна переводилось в денежное выражение по справочным ценам «эмирской грамоты» и установленная сумма взималась деньгами. Количество собранного зерна подсчитывали отдельно для пшеницы и для ячменя. Так же отдельно вычислялась для них и денежная сумма налога. Муштбар, как и харадж, вносили по пайгирам²⁴ с хараджных земель²⁵.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 590, л. 4.

²⁵ Там же, л. 7, 13.

Тот факт, что в туманах Бухары муштбаром называли основной поземельный налог, подтверждается и еще одним документом — декретом Ревкома БНСР от 30 сентября 1920 г., объявившим об отмене налогов. Здесь после слова муштбар в скобках дано пояснение — харадж²⁶.

Таким образом, изученные нами архивные документы дают в руки исследователю новый интересный материал о характере основного поземельного налога в Бухарском эмирате и связанных с ним терминах.

К. З. Мухсинова

²⁶ ЦГА УзССР, ф. И-46, оп. 1, д. 115, л. 87 (документ обнаружен ст. н. с. ЦГА УзССР К. Убайдуллаевым).

В. Л. ВЯТКИН — КНИГОВЕД

Известный самаркандский археолог и востоковед В. Л. Вяткин был видным знатоком рукописной книги. В поисках восточных рукописей он объездил немало городов Средней Азии. Не раз бывал он и в Бухаре. Итогом длительных наблюдений явилась его статья «Бухарский книжный рынок»¹.

Книжный рынок Бухары В. Л. Вяткин считал самым богатым в Средней Азии. Хотя и здесь преобладали дешевые рукописные и литографированные книжки, бухарские торговцы владели ценными рукописями и выгодно торговали ими. Но эти редкости были укрыты от любопытных глаз в больших сундуках, хранившихся в тесных худрахах старинного караван-сарая. Драгоценные манускрипты извлекались на свет лишь тогда, когда торговцы видели, что покупатель хорошо разбирается в рукописях и располагает соответствующей суммой денег.

В. Л. Вяткин установил, что бухарские книготорговцы брали под наблюдение всех владельцев — сколько-нибудь значительных и ценных собраний манускриптов. И стоило одному из таких любителей скончаться, как тотчас же в его доме появлялись торговцы, стремившиеся купить всю коллекцию.

Крупным центром книжной торговли был г. Карши. У торговца Муллы Наджмудина, например, можно было приобрести редкие рукописи на арабском, персидском, узбекском языках. В. Л. Вяткин с сожалением отмечал, что немало ценнейших рукописей вывозилось за границу.

В 1902 г. В. В. Бартольд, посетив Ташкент, обратил внимание на плохое комплек-

тование рукописного собрания Туркестанской публичной библиотеки. Он призвал работников библиотеки взять на себя заботу «о сохранности для русской науки местных рукописных сокровищ», чтобы «частные собрания не шли на базар и в Британский музей»².

В. Л. Вяткин вскоре откликнулся на заметку В. В. Бартольда газетной статьей с многозначительным заголовком: «Точка опоры»³. Он отметил, что попытки изучения Средней Азии становились нередко «незначительными и малоуспешными», ибо здесь еще не создано «сносного общественного собрания первоисточников и сырых материалов, то есть восточных рукописей». Собрание Туркестанской библиотеки было невелико. Между тем широкая скупка старинных и редких рукописей «для иностранных библиотек и лиц» привела не только к оскудению книжного рынка, но и к резкому повышению цен на рукописи.

Высказываясь за создание в Туркестане «центра изучения мусульманской культуры», В. Л. Вяткин энергично ратовал за спасение «от расхищения иностранцами тех письменных сокровищ, которые еще сохранились в крае», и приобретение их Туркестанской библиотекой. Но библиотека не имела необходимых средств, и ее рукописное собрание не превышало 200 экз.

Самому Вяткину удалось собрать гораздо более значительную коллекцию восточных рукописей. Еще в 1904 г. В. В. Бартольд видел у него около сотни рукописных книг, а после кончины В. Л. Вяткина в распоряжение Государственной публичной

¹ Туркестанские ведомости, 1897, № 61, 62, 64.

² Туркестанские ведомости, 1902, № 54.

³ Туркестанские ведомости, 1902, № 92.

библиотеки УзССР поступило 273 рукописи⁴.

В собрании имелись рукописи разных времен, но особенно полно был представлен XVI в. Наиболее ценными рукописями XVI в. А. А. Молчанов считал «Зубдат ул-асар» («Сливки повествования») — первый труд по всеобщей истории на узбекском языке, «Абдулла-намэ» Хафизы Та-

ныша и, наконец, «редчайшую рукопись «Мифтах ут-талибин». «Уникальной и несравненной по значению» назвал А. А. Молчанов коллекцию документов, объединенную в сборник объемом до 700 л. Среди них было немало ценных источников по исторической географии Самарканда и его окрестностей.

В. Л. Вяткин весьма охотно допускал специалистов к работе над рукописями своего собрания и сам широко использовал их в исследовательской работе, которую вел с присущей ему энергией до последних дней своей жизни.

⁴ А. А. Молчанов. Собрание восточных рукописей В. Л. Вяткина и марксистское изучение дервишской литературы, Труды Государственной публичной библиотеки УзССР. Юбилейный выпуск 1870—1935, Ташкент, 1935, стр. 49—91.

Г. Н. Чабров

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Эта тема была в центре внимания Международного симпозиума, проведенного с 1 по 7 октября 1969 г. в столице братского Казахстана г. Алма-Ате и посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Он был организован Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки совместно с Академией наук СССР. В работе симпозиума приняли участие общественные деятели и ученые из стран Азии, Африки и Латинской Америки, лидеры национально-освободительных движений и советские ученые. В день открытия симпозиума кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев, выступивший с докладом «В. И. Ленин и национально-освободительное движение народов», огласил приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Участники симпозиума поделились результатами теоретических исследований и практическим опытом претворения в жизнь ленинского учения о национально-освободительном движении, опытом социально-экономического и культурного строительства в СССР, а также в развивающихся странах Азии и Африки. Выступавшие отмечали, что ленинские идеи и исторический опыт СССР в решении национального вопроса оказывают огромную помощь всем народам, борющимся за свободу и преодоление тяжелого наследия колониализма.

На симпозиуме получили многогранное освещение сложные проблемы социально-экономического и культурно-политического развития, стоящие перед странами Азии, Африки и Латинской Америки. Член Высшего Исполнительного Комитета Арабского социалистического союза (ОАР) Диа Эд-Дин Мухаммед Дауд, выступивший с докладом «Ленин и освободительное движение народов арабских стран», заявил, что каждому изучающему национально-освободительное движение и социальное развитие не обойтись без ленинских идей. Каждый революционер должен глубоко усвоить теоретическое наследие великого Ленина.

Директор Института марксизма-ленинизма при ЦК Компартии Аргентины Леонардо Пасо охарактеризовал влияние лени-

низма на национально-освободительное движение в Латинской Америке. Член руководства Африканского национального конгресса Южной Африки Мзивадиле Пилисо заявил, что пример советских республик показывает, как много можно добиться в развитии экономики и культуры, когда народ берет власть в свои руки и раскрывает свои творческие возможности. В. И. Ленин, сказал М. Пилисо, внес великий вклад в борьбу колониальных народов, создал стройное учение о национально-освободительных революциях, помогающее народам Африки избавляться от расистских режимов и наследия колониализма.

О громадной преобразующей силе ленинских идей, их решающем воздействии на все стороны мирового развития говорили на симпозиуме директор Института Африки АН СССР В. Г. Солодовников, заместитель генерального секретаря Прогрессивной партии трудового народа Кипра Андреас Фантис, член Всемирного Совета мира Азиз Шериф (Иран), Генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки Юсеф эс-Сибан (ОАР), президент Народной организации Юго-Западной Африки Сэм Нуйома, председатель Национального фронта освобождения Мозамбика Джудас Александре Хонван, представитель Партии народного движения за освобождение Анголы Пауло Жуниор, посол Республики Сьерра-Леоне в СССР Амброза П. Генда, акад. АН СССР Е. М. Жуков и многие другие.

От Академии наук и вузов Узбекистана в работе симпозиума приняли участие члены-корреспонденты АН УзССР Р. Х. Амниова, О. Б. Джамалов, А. М. Амниов, автор этих строк, член-корр. Академии педагогических наук СССР И. К. Кадиров, доктор ист. наук Х. Т. Турсунов и Х. Ш. Иноятлов, доктор филос. наук А. К. Валиев, доктор экон. наук А. Ульмасов и канд. филос. наук Б. Исмаилов. В выступлениях наших ученых говорилось об успехах социалистического и коммунистического строительства в республике, ее опыте перехода к социализму, минуя капитализм, о торжестве ленинской национальной политики.

С большим воодушевлением участники симпозиума приняли приветственное послание Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу. В нем отмечалось, что они «почерпнули здесь много полезного из советского опыта национального и социалистического строительства. Уже тот факт, что симпозиум состоялся в столице Советского Казахстана — в городе Алма-Ате, дал его участникам возможность наглядно представить, как претворялись в жизнь идеи научного социализма и, в частности, ленинское положение о некапиталистиче-

ском развитии, что позволило казахскому народу в тесной дружбе с русским и другими народами Советского Союза осуществить гигантский скачок от патриархальной отсталости к высокопроизводительному социалистическому хозяйству, к расцвету науки и культуры».

Участники симпозиума единодушно подчеркнули объективную историческую необходимость боевого единства трудящихся в борьбе против империализма, за мир, демократию и социализм.

Ш. З. Уразаев

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСКУССТВА ЭПОХИ ТИМУРИДОВ

С 23 по 27 сентября 1969 г. в Самарканде проходил Международный симпозиум по изучению искусства эпохи Тимуридов. Симпозиум был организован в соответствии с разработанной в рамках ЮНЕСКО программой по изучению дивилзации народов Центральной Азии.

В работе симпозиума наряду с советскими учеными — представителями научных коллективов Москвы, Ленинграда, Узбекистана, Таджикистана и других братских республик — приняли участие их зарубежные коллеги из ГДР, Венгрии, Монголии, Англии, Франции, США, Италии, ФРГ, Западного Берлина, Финляндии, Афганистана, Индии, Ирана, ОАР, Пакистана, Сирии, Турции.

Симпозиум открыл вступительным словом представитель ЮНЕСКО Л. И. Мирошников, подчеркнувший важное значение международного форума ученых. Особенно примечательно, сказал Л. И. Мирошников, то, что эта встреча ученых проходит в древнейшем культурном центре Средней Азии — Самарканде, отмечающем в 1970 г. 900 лет со дня рождения В. И. Ленина, свой 25-вековой юбилей.

С приветствием от Советского комитета по изучению цивилизаций Центральной Азии при Комиссии по делам ЮНЕСКО в СССР к участникам симпозиума обратился председатель этого комитета, директор Института востоковедения АН СССР, акад. Б. Г. Гафуров.

Он отметил, что программа ЮНЕСКО по изучению цивилизаций Центральной Азии основана на принципах международного сотрудничества ученых и способствует глубокому изучению истории и культуры народов Востока, внесших огромный вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Работа симпозиума не только имеет большое научное и познавательное значение, но и содействует развитию контактов между учеными различных стран и тем самым укреплению дружбы народов, благородным целям борьбы за высокие идеалы гуманизма, мира и социальной справедливости.

От Международного союза архитекторов участников симпозиума приветствовал сек-

ретарь правления Союза архитекторов СССР, доктор архитектуры Ю. С. Яралов.

С приветствием от имени правительства Узбекистана выступил заместитель Председателя Совета Министров УзССР М. Т. Турсунов.

Плодотворной деятельности во имя науки и прогресса пожелал собравшимся президент АН УзССР А. С. Садыков, подчеркнувший актуальность изучения богатейшего культурного наследия эпохи Тимуридов, в котором воплотились гений народа, его мудрость и величие.

Высоко оценили значение симпозиума и представители зарубежных ученых.

В первый день работы симпозиума, вечером 23 сентября, был заслушан содержательный доклад вице-президента АН УзССР И. М. Муминова, охарактеризовавшего исторические условия развития искусства Средней Азии эпохи Тимуридов.

Утром 24 сентября состоялся обмен мнениями по общим вопросам повестки дня и по архитектуре времени Тимуридов. С большим вниманием был заслушан доклад члена-корр. АН УзССР Г. А. Пугаченковой «Зодчество эпохи Тимуридов в его основных чертах».

В прениях по докладу с интересными сообщениями о новых исследованиях в области среднеазиатской архитектуры XIV—XV вв. выступили канд. архитектуры М. С. Булатов, проф. В. А. Нильсен (Узбекистан) и др.

25—26 сентября проходили дискуссии по проблемам миниатюрной живописи, искусства рукописной книги и каллиграфии. Многие выступавшие отмечали высокий художественный уровень среднеазиатской миниатюры XIV—XV вв.

Живой интерес вызвал доклад директора Музея литературы им. Алишера Навои, проф. Х. С. Сулейманова (Узбекистан) «Проблемы изучения художественной рукописи и каллиграфии эпохи Тимуридов», в котором говорилось об уникальных образцах старинных книг, представляющих собой шедевры искусства каллиграфии и художественного оформления рукописи.

Последний день работы симпозиума, 27 сентября, был посвящен вопросам при-

кладного искусства исследуемой эпохи. Участники симпозиума обсудили также макеты альбомов по архитектуре и миниатюрам времени Тимуридов.

По инициативе индийской делегации симпозиум принял приветствие советским коллегам в связи с предстоящим празднованием 100-летия со дня рождения великого Ленина.

Участники симпозиума с большим интересом осмотрели специально подготовленную выставку предметов материальной культуры эпохи Тимуридов, ознакомились с многочисленными памятниками древности Самарканда и современной жизнью города,

совершили экскурсию в Бухару, а затем побывали в Ташкенте, посетили Институт востоковедения АН УзССР, Музей литературы им. Алишера Навои, где в честь гостей Президиум АН УзССР дал прием.

Проведение Международного симпозиума будет, безусловно, способствовать дальнейшему расширению и углублению исследований по истории искусства народов Средней Азии и сопредельных стран, развитию плодотворного сотрудничества советских и зарубежных ученых.

Б. И. Клопов

МУНДАРИЖА

В. И. Ленин туғилган кунининг 100 йиллигига

М. Охунова. Ўзбекистонда ишчилар синфи интернационал алоқаларининг мустақамланиши	3
Б. В. Луни. Академик Василий Владимирович Бартольднинг ҳаёти ва асарлари	12
Л. М. Ланда. В. В. Бартольд ва Совет Ўзбекистонда тарих фани қарор топишининг айрим масалалари	34
А. Аббасов. Василий Лаврентьевич Вяткин	40
Я. Ф. Фуломов. В. Л. Вяткин ҳақида хотиралар	45
О. Д. Чехович. В. В. Бартольд ва В. Л. Вяткин Урта Осиё ҳужжатларини текширувчилар	50

Илмий ахборот

П. Г. Булгаков. В. В. Бартольднинг тугалланмаган асари	55
А. И. Гинзбург. В. В. Бартольд чор ҳокимиятининг Туркистонда аҳолини кўчириш сиёсатининг айрим масалалари ҳақида	57
Г. А. Михалева. В. В. Бартольд Мирзачўлни ўзлаштириш ҳақида	58
Э. Ҳожиев. Совет Туркистони ирригацияси тарихидан	59
Б. Аҳмедов. Маҳмуд ибн Вали ва унинг энциклопедик асари	62
Р. Г. Мухминова. Тамға ва бож термини ҳақида	65
Қ. З. Мухсинова. Хирож ҳақида янги маълумотлар	69
Г. Н. Чабров. В. Л. Вяткин — китобшунос	72

Илмий ҳаёт хроникаси

Ш. З. Уразаев. В. И. Лениннинг миллий озодлик революциялари ҳақидаги таълимоти ва ривожланаётган мамлакатлар социал прогрессининг ҳозирги этапи	74
Б. И. Килов. Темурийлар даври санъатини ўрганишга бағишланган халқаро симпозиум	75

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

М. Азимова. Укрепление интернациональных связей рабочего класса Узбекистана.	3
Б. В. Лукин. Жизнь и труды академика Василия Владимировича Бартольда.	12
Л. М. Ланда. В. В. Бартольд и некоторые вопросы становления исторической науки в Советском Узбекистане.	34
А. Аббосов. Василий Лаврентьевич Вяткин.	40
Я. Г. Гулямов. Воспоминания о В. Л. Вяткине.	45
О. Д. Чехович. В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин как исследователи среднеазиатских актов.	50

Научные сообщения

П. Г. Булгаков. Неоконченный труд В. В. Бартольда.	55
А. И. Гинзбург. В. В. Бартольд о некоторых вопросах переселенческой политики царизма в Туркестане.	57
Г. А. Михалева. В. В. Бартольд об освоении Голодной степи.	58
Э. Ходжиев. Из истории ирригации в Советском Туркестане.	59
Б. Ахмедов. Махмуд ибн Вали и его энциклопедический труд.	62
Р. Г. Мукминова. Несколько слов о терминах тамга и бадж.	65
К. З. Мухсинова. Новые данные о харадже.	69
Г. Н. Чабров. В. Л. Вяткин — книговед.	72

Хроника научной жизни

Ш. З. Уразаев. Ленинское учение о национально-освободительных революциях и современный этап социального прогресса развивающихся стран.	74
Б. И. Кнопов. Международный симпозиум по изучению искусства эпохи Тимуридов.	75

ПОПРАВКА

В № 10 журнала за 1969 г. на стр. 20, строки 22—23 следует читать:
...жамиятнинг капитализмдан социализмга ўтиш даврида...

Редакторы С. Ким, Н. Н. Ланецкая
Технический редактор В. Тарахович

P12535. Сдано в набор 24/XI-69 г. Подписано к печати 24/XII-69 г. Формат 70×108¹/₁₆=2,5 бум. л.
—7,0 печ. л. Уч. изд. л. 6,7. Изд. № 345. Тираж 1568. Цена 40 к.

Типография Изд-ва «Фан» УзССР, г. Ташкент, ул. Черданцева, 21. Заказ 242.
Адрес Изд-ва: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

ПОПРАВКА

В № 10 журнала за 1969 г. на стр. 20, строки 22—23 следует читать:
...жамиятнинг капитализмдан социализмга ўтиш даврида...